

Александр Юдин

ГРИМАСЫ СВИРЕПОЙ ОБЕЗЬЯНЫ И ЛУКАВЫЙ ДЖИНН

Александр Юдин

**Гримасы свирепой
обезьяны и лукавый джинн**

«Издательские решения»

Юдин А.

Гримасы свирепой обезьяны и лукавый джинн / А. Юдин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747354-9

«Гримасы свирепой обезьяны и лукавый джинн» — произведение остросоциальное. Поклонники романа найдут в нем присущие этому жанру любовь и верность, горечь разочарования в родном человеке, холод отчуждения супругов и новую страстную любовь. А для тех, кому «по силам» думать о будущем страны, «кто жил и мыслил», «кого сомнения тревожат», увидят в нем то, что, как иронично заметил поэт, «часто придает большую прелесть разговору»...

ISBN 978-5-44-747354-9

© Юдин А.
© Издательские решения

Содержание

Игра	6
Семёныч не в духе	13
...И сдрейфил витязь-князь	19
По полстакана за эволюцию	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Гримасы свирепой обезьяны и лукавый джинн

Александр Юдин

© Александр Юдин, 2016

© Александр Лопатин, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4474-7354-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Влажная земля, обильно политая нежданно свалившимся на нее холодным ливнем с мелким градом, источала стылый запах гнилья, прелых листьев. За измятым ситом черных ветвей деревьев плыли к мутно светившей луне серые трещины черного неба.

Он тяжело, медленно приподнял голову. Рядом – никого... Онемела под левым боком неудобно завернутая за спину рука. Попытался ее высвободить – «О-о, боже!...» – все тело взвыло болью... И сами собой закрылись глаза. Опять отключилось сознание...

«Ну вот, допрыгался наш праведник», – усмехнулся Пыхтун.

И Трошкин солидарно скривил улыбку.

«Вам не стыдно, ребята? – осадила Зоя Владимировна. – Ваши взаимоотношения с ним всем известны, но как-никак коллега все-таки. Пожалели бы лучше».

«Это, конечно, можно, да ведь он-то никого не жалеет, клеймит позором всех направо и налево, невзирая на чины и звания. Того и гляди в тюрягу отправят кого-нибудь благодаря его филиппикам».

«Только лишнего-то не надо сочинять, – неожиданно строго сказала сердобольная Тамара. – Вам бы хоть немного его смелости и неравнодушия. Вы же просто даже сейчас завидуете ему. Человек в беду попал, а вы радуетесь, злобствуете».

Они молча переглянулись меж собой, пряча в глазах насмешку, торжество: «Геройствовать не надо было, геройствовать. Мы же говорили ему, что никакой он не особый, то-лько псих немного. Все ему враги мерещатся, которые людям будто бы нормально жить не дают».

Игра

Но он и не думал геройствовать. Напротив, начинал осторожно, издали, чуть не попластунски.

Утром позвонил Грушину – его на месте не оказалось. Набрал секретариат – и там не ответили. Пришлось звонить Самодержцу.

– Аллю... Иван Васильевич? Здрасьте. Седов.

– А-а, Дима, привет. Только сегодня вернулся?

– Нет, вчера. Поздно вечером – ночью, можно считать.

– Да? Ну, как съездил?

– Нормально.

– Как комбинат?

– Хреновато. Гремел, гремел и прогремел в трубу. О нем слишком долго говорили в восторженных тонах уже просто по инерции. И напрасно. Запустили. Теперь надо срочно меры принимать.

– Какие?

– Да какие... – замялся он. – В двух словах не скажешь. Спецы по-разному оценивают ситуацию. В их доводах покопаться еще надо. Я дома сейчас хотел бы поработать над материалом.

– Что ж, поработай. И долго не тяни. Его в администрации ждут.

Получив благословение редактора, он, наскоро перекусив бутербродом с крепким чаем, взялся за расшифровку диктофонных записей. За работой не заметил, как короткий осенний день сменился вечерними сумерками.

В прихожей раздался шум. В нее ввалился подталкиваемый Ольгой в загривок Олежка. Возвращаясь с работы, жена попутно забрала его из садика.

– Вот они, мои Оленьки, – чмокнул их в прохладные носы, помог раздеться.

– Прибыл? – равнодушно осведомилась жена.

– Прибыл.

Она прошла на кухню разгружать сумку. Олег, спотыкаясь о сбившиеся со ступней носки, сразу прошлепал к телеку смотреть мультики. Дмитрий отправился вслед за ним – в другую комнату, к своему рабочему столу, где среди листов бумаги его ждала, требовала к себе начатая корреспонденция – его будущая падчерица, рожденная неоткровенностью, умолчанием, лукавой игрой ума.

Олежка посмотрел мультики, выключил телевизор и ушел на кухню, где Ольга пообещала ему что-то вкусненькое. И в наступившей тишине он услышал, как в прихожей что-то прощуршало и мягко шмякнулось. Оказалось, свалилась с вешалки какая-то коричневая куртка с капюшоном... Водрузил на место, удивился:

– А что это за куртка тут? Не Татьяна оставила? У нее вроде такая же была...

Вспомнил, что на прошлой неделе проездом из Сибири заглядывала ее сестра.

– Моя это куртка, родименький, моя! – засияли восторгом глаза Ольги. – Уже месяц назад купила.

– Да?... Странно... Не видел у тебя такой, – буркнул, смутившись.

– А что ты вообще видишь? Ты и меня-то не видишь. Утром встаешь – меня уже нет, вечером приходишь – я уже в халате. – И мелькают города и страны, параллели и меридианы... – пропела она иронично. – Все едешь, едешь, мельтешишь, устраиваешь чужие дела, исследуешь чужие проблемы, судьбы, и своей заняться недосуг... Когда же сам-то жить будешь, родненький? Ведь ты уже не маленький.

«Ну вот, опять за старое». Потоптался в нерешительности, почесал в затылке.

– Ладно. Потом обсудим эту животрепещущую проблему. Сейчас некогда – надо дописывать материал.

– Иди, иди, родименький, пиши, – сказала с издевкой.

Опять укусила... Несдержанная какая-то стала. Пилит, пилит, дергает за нервы...

Плюхнулся в кресло рядом с Олежкой, поглазел рассеянно на экран, где ему красивая ведущая рассказывала какую-то историю. Подумал, стоит ли продолжать диалог, и отправился молча к столу. Дело не ждет.

– Я согласен с тем, что корреспонденция получилась насыщенной, – добрался наконец до главного Владимир Семеныч. – И эмоциональная напряженность, и хороший язык: просто, как дважды два, сказано о сложном... Все это хорошо. Тем не менее я не могу отделаться от ощущения, что материал страдает то ли фрагментарностью, то ли какой-то недоговоренностью. Вы уж простите меня, если я по неразумению своему ерунду несу, чего-то недопониманию, может быть... Но у меня такое чувство... как бы это сказать...

Худощавый, со впалыми щеками на продолговатом узком лице, он обводил участников летучки смущенно-наивным взглядом смеющихся глаз, будто прекрасно зная цену своим неуместным измышлениям, которые просто не хватает духу полностью высказать. Но все это, вплоть до выражения лица, было только маленьким тактическим ухищрением. И вряд ли кто, если не видел, то хотя бы не чувствовал этой игры. Терпеливо, воспитанно ждали, во что она выльется, гадая, зачем она ему: то ли принюхивается к ситуации, чтобы уяснить для себя, стоит ли бросать камень в воду, то ли готовит публику к тому, чтобы высказать нечто неудобоваримое, то ли просто выигрывает время, тщательно подбирая слова для круглой фразы со взрывным смыслом... Во всяком случае, когда он, не слишком сдержанный в суждениях, начинает плести кружева, обычно за этим что-то кроется.

– Кончай бить поклоны, Владимир Семеныч, – нетерпеливо хрустнул стулом, шумно засопел, меняя позу, Пыхтун, полноватый бодрячок с длинными патлами.

– А, пожалуйста, прошу прощения, – оживился Семеныч. Глаза засветились веселым озорством. Он как будто только и ждал, когда его попросят закруглиться. – Так вот, создается впечатление, что автор побоялся сделать какой-то важный вывод, словно зарядил пушку, тщательно навел на цель, а потом взял да и выстрелил мимо – лишь пугнул для остратки. Поэтому, хотя материал, безусловно, получился выше среднего уровня, на оценку «Лучший в номере» он, мне кажется, все-таки не тянет.

– Ну, почему же, – нахмурил брови, зажевал губами редактор. – По-моему, все тут на месте. Показано и весьма основательно доказано самое существенное: и грубейшие нарушения технологии, и то, что собственными ресурсами распорядиться не могут, налицо – организационные провалы. И изложение сочное, образное. Не каждому из нас удастся так написать о сложных технико-экономических проблемах, как это удалось Седову.

Самодержец упорно стоял на своем: чувствовалось по его решительности, что материал понравился кому-то в команде губернатора, и оценка ситуации на химкомбинате, по всей вероятности, совпала с оценкой одной из VIP-персон.

...Шумно переговариваясь, журналисты губернских «Ведомостей» вывалились через приемную редактора в узкий длинный коридор, застучали ключами в замках, захлопали дверями, рассасываясь по отделам. Курильщики, вынимая из карманов сигареты, потянулись в конец коридора на «бак» – лестничную площадку, где предусмотрительная техничка, чтобы обеспечить чистоту, кроме изящной, но маловместительной урны на высоких полированных ножках всегда оставляла в углу широкое эмалированное ведро, наполовину заполненное водой, которое к вечеру обычно бывало забито разнокалиберными окурками.

– Надеюсь, я тебя не обидел, а? – обнял Дмитрия за плечи, примирительно улыбаясь, Владимир Семеныч.

– Да нет, нисколько. Ты попал в самую точку, – сказал ему искренне. – Обидно другое: шеф похерил даже ту пару абзацев, в которых как раз шла речь о самом главном: о дефиците воды.

– Ну, эта-то проблема, как кирпич, давно висит над комбинатом.

– Да, но при ближайшем рассмотрении это давно уже не кирпич, а огромная глыба, которая однажды, причем в очень близком будущем, может раздавить и комбинат, и город при нем. Помнишь, мы писали как-то о том, что горожанам больше месяца приходилось выстаивать длиннющие очереди к машинам-водовозам? Но это семечки. Мы тогда умолчали о гораздо более серьезных вещах. И теперь эти умолчания вылезают наружу. В принципе некоторые специалисты говорят о том, что Зареченск уже пора просто спасать. А пока...

– Так что же ты! – укорил Семеныч. – Об этом и надо было писать.

– Ну да... Во-первых, меня не за тем посылали, а во-вторых, кто бы пропустил такой материал. Наш Самодержец? Черта с два: сказал бы, что не надо сеять панику. Тем более, что даже тогда, когда мы писали всего лишь о тех самых очередях за водой, ему в администрации указали, что осторожнее надо с такими материалами. Да к тому же... Пока у зареченских впередсмотрящих создается впечатление, что кто-то тут, на губернском уровне, а может, и повыше крышует, что ли, хозяев комбината, оберегает их от лишних затрат, связанных с улучшением водоснабжения. В общем, тут все очень не просто, проблем – выше крыши. Ну вот и... Учитывая настрой шефа, его возможную реакцию и разные обстоятельства, я закрыл и вашим, и нашим: напер на технологию, что от меня в первую очередь требовалось, описал проблемы, но аккуратно вмонтировал в текст предостережение одного экс-управленца мэрии, который пожелал остаться неизвестным. Он сказал, что комбинат, конечно, разбазаривает воду, но надо бы не только о его упущениях и нуждах беспокоиться. Если не принять побыстрому кардинальных мер для улучшения водоснабжения города, то очереди к водовозам в скором времени покажутся легким недоразумением. А шеф, как всегда, оказался на высоте: мой фокус обнаружил и именно это все и вымарал – отсюда и фрагментарность, которую заметил ты.

– Нда-а... – дело ясное, что дело темное, – сочувственно покачал головой Семеныч. – Глянул на часы: – Ну ладно, будем жить. Время почти обеденное. Ничего гениального мы уже все равно создать не успеем. Может, в таком случае для разрядки, – подмигнул, – сгоняем партийку-другую?

– Сгоняем, – подмигнул Дмитрий.

Они быстро, механически сделали по несколько начальных ходов. Ферзь Семеныча оказался под боем, и он задумался, чуть покусывая губы.

Вкатился Пыхтун.

– Режетесь? Ну-ну...

– Еще не режемся, но намерены, – ворчливо ответил Семеныч.

Пыхтун, громко сопя, с шумом подвинул стул, сел рядом, но тотчас поднялся, облокотился на спинку стула.

– И так уж сегодня насиделся, с раннего утра в номер гнал материал, потом летучка, – объяснил он.

– Бережешь свой геморрой? – рассеянно осведомился Семеныч.

– Нет, седалищные мозоли, – поправил Пыхтун.

– Побереги-и, побереги-и, – все так же рассеянно посоветовал Семеныч. – Пригодятся еще, жизнь долгая.

– Слышали новость? – спросил Пыхтун. – Команда губернатора затевает маленькую промышленную революцию. Заканчивает разработку долгосрочной программы повышения конкурентоспособности областной промышленности. Тут и техническое перевооружение, и улучшение качества продукции на основе инноваций, нанотехнологий. Все продумано, рационально.

– И деньги на все имеются? – усомнился Семеныч.

– Найдутся. К нам же и англичане, и американцы, итальянцы приезжали, со всеми ними заключены договора о сотрудничестве.

– Э-э, брат, это всего лишь флер, туман, сказки о намерениях. А дойдет ли до дела – вот в чем заковырка.

– Но это ведь и в их интересах тоже, иначе бы они...

– В их интересах здесь – делать деньги, прибыль, а не выращивать себе за здорово живешь конкурентов из местных предприятий. В нашей области, как тебе известно, в разных углах и закоулках понатолкано немало оборонных предприятий. Многие из них, как тебе тоже известно, влчат жалкое существование из-за потери интереса к ним со стороны родного ведомства. Которое очень хреново раскошелливается на оплату собственных заказов. Так вот, не будешь же ты утверждать, что наши дорогие индосранцы горят желанием создать из них конкурентов для своего военно-промышленного комплекса?

– Ну почему же только конкуренция? Может же быть сотрудничество.

– О боже! С какой печи ты свалился – такой темный и наивный?

– А ты откуда свалился, Владимир Семеныч? У тебя же, что бы ни предпринимала местная власть, – все лишь повод для скепсиса и критики. Хотя в ее действиях нетрудно различить зерна продуманности, рациональности.

– А-а, идите вы в... со своей рациональностью, отмахнулся, как от назойливой мухи, Семеныч. – Кто-то умный сказал: все наши экономические проблемы лежат в области нравственности. А с этим у нас после известного скачка из оплеванного социализма в прославленный капитализм большущие проблемы... Честность – вот что самое рациональное, без нее все ваши новые программы, системы – только фикция. Или филькина грамота – как угодно. Честность – категория экономическая. Я вон разговаривал недавно с управдомом. Есть, говорит, у него один сантехник – такой честный попался, ну просто белая ворона по нынешним временам. Так этот самый сантехник практически в единственном числе вез на себе весь груз забот по участку. И никто этого не замечал, пока он не заболел. Капитально. Надолго. А заболел – и сразу стало видно, что вез один: посыпались жалобы, начались аварийные отключения сетей. У него, честного, кпд в несколько раз выше, и остальных, вместе взятых, можно, получается, смело сокращать. Ну разве что на всякий случай кое-кого оставить.

– Ну, знаете ли, так можно освистать все новое, – раздраженно сказал Пыхтун.

– А я разве освистываю новое? – удивился Семныч.

– А разве нет? Ты же... ну с порога прямо, не глядя, зачеркиваешь значение важного для развития нашей экономики документа. Над которым, кстати, работали, надо полагать, наши лучшие головы. Так можно скатиться... ну черт знает к чему, к какому очередному застою.

– Погоди-ка, погоди, остынь. Давай сначала разберемся, почему ты так обожаешь этот самый документ: потому, что над ним авторитеты корпели, или потому, что он важен для развития нашей экономики?

– Какое это имеет значение? Важно то, что он несет в себе новый взгляд на привычное.

– Нет, милейший, важно не по-новому, а по-умному глядеть на привычное. Впрочем, и на новое тоже. А то у нас сплошь и рядом так: кто-то там, в столичных эмпиреях чихнул – все остальные слегли с гриппом – поддержали почин.

– Да ну тебя, Владимир Семеныч, – сказал Пыхтун. – Ты слишком любишь полемизировать. Вечно из мухи делаешь слона, а слона пытаешься затолкать в бутылку. Ты даже в инновациях и нанотехнологиях находишь какой-то подвох, какие-то теневые стороны.

– Нет, ребята, я вовсе не против разных там новаций, я только противник связанных с ними необоснованных, вредных иллюзий. Ну вот, скажем... Мы сейчас вступаем в эпоху глобального конструктора «Лего», вдохновенно говорил в интервью «Известиям» министр образования и науки господин Фурсенко. Нанотехнологии, популярно разъясняет он, позволяют

манипулировать частицами на уровне атомов и строить, как из кубиков, принципиально новый мир. Они перевернут мир, с их помощью, утверждает Фурсенко, мы переведем в цифру саму материю. Здорово! А между тем в ученом мире отношение к нанотехнологиям вовсе не столь однозначно положительное. Одни видят в них потенциальную причину будущей нестабильности в мире, другие – угрозу всему живому на планете. А потому не сродни ли в нашем случае безоглядная вера в нанотехнологии безвольной надежде на самоявленное чудо? На победу без особого организационного напряжения – как по шучьему веленью, без нудной систематической работы каждый день над подъемом промышленности... Какое уж там «нано» да «инно» без элементарного суперсовременного станкостроения? А оно у нас давно уже не выдерживает никакой критики. Мечтатели... твою мать... Если возможностями нанотехнологий упертые последователи либерал-монетаризма будут манипулировать так же безответственно, как внедрили в конце прошлого века пресловутое новое мышление, проводили радикальные преобразования, то с этим чудом можно и вовсе вылететь в трубу, даже при наличии нашей нефтегазовой... Такая вот кочерыжка. Но это с одной стороны. А с другой... Биотехнологи тоже в мире нанотехнологий уже колдуют. Пытаются Бога заменить – из перхоти могут живую тварь вырастить. Не совались бы в божье дело. А то вырастят по недомыслию где-нибудь в пробирке из разного нанодерьма методом непорочного зачатия супернового, неистребимого Гитлера – и спасайся кто может.

– Да не так уж все страшно, Семеныч, как ты живописуешь. Японцы вон уже вроде бы сумели какому-то пацану вместо вырванного зуба новый вырастить. Так что скоро, наверно, научатся и совсем безболезненно лечить – будем тогда к стоматологам без боязни в любое время обращаться.

– Может, и доживем до этого, но остается давно доказанный факт: сознание человеческое отстает от научно-технических, цивилизационных достижений. А потому, применительно к нашим нынешним реалиям, пока лучше, пожалуй, крестьянин с сохой, чем идиот на «Кировце», лучше порядочный мудрец с гусиным пером, чем хитромудрая свинья с диктофоном и ноутбуком. Вот такая кочерыжка, – не моргнув глазом вылепил Семеныч. – Кадры, кадры – это самое важное. Главное – кто и ради чего работает. Хотя и с помощью чего – тоже важно.

– Ну что ты нахохлился, Семеныч? – примирительно сказал Дмитрий. – Кто же отрицает, что кадры – это более чем важно. Но в любом деле важна еще и система, четкая, ясная, гибкая. И соответствующая оснастка, инструментарий. На областном уровне или в государственном масштабе – тем более.

– Ни одна экономическая система, никакая реформа не освобождает от необходимости наживать инфаркт ради дела, – сердито засопел Семеныч. – Любую систему можно вывернуть наизнанку, извратить до неузнаваемости, так что и родная мама, то бишь основатель, не узнает. Для настоящего дела, а не видимости, нужна в первую очередь благонамеренность.

– Благонамеренность... – усмехнулся Пыхтун. – Благими намерениями дорога в ад вымощена.

– Может быть, – сказал Семеныч. – Тем не менее злонамеренность есть злонамеренность, от нее добра ждать не приходится. И не будь благонамеренности – не существовало бы и такого понятия, как рай – совсем не существовало бы. Она, благонамеренность, если хотите, категория и нравственная, и политическая, и экономическая. И не отмахиваться надо бы от нее, как от чего-то несущественного, а холить и лелеять всячески. Да беда в том, что не поддается она статистике, ее не отразишь в отчетах о проделанной работе. Вот и забываем о ней, довольствуемся только клятвенными заверениями неисправимых демагогов.

– Какой пылкий монолог! – съязвил Пыхтун. – А как же наши доморощенные капиталисты карманы себе набивают? По меньшей мере некоторых из них, если не подавляющее большинство, трудно, кажется, заподозрить в благонамеренности

– Так в том-то и заковырка, что они жиреют, а экономика в целом тонет в болоте несуразностей. Потому что без благонамеренности любой хозяин или директор предприятия в условиях, когда целью всякого является только прибыль, а не общественная польза, неминуемо превращается в жулика. Каких систем ни напридумай, а без благонамеренности, без совести, честности далеко не уедешь. Это те самые киты, на которых свет держится, это краеугольные камни и идеологии, и политики, и экономики. И любая мало-мальски путная система ориентирована на них, стимулирует их, пользуется ими. А мы, благодаря нашим самонадеянным либерал-олухам, уткнулись в один угол и токуем, талдычим как заклинанье: рынок, конкуренция, бизнес, прибыль... Слишком много однообразного шума и визга по этому поводу, много лишних децибел. Так и оглушить недолго. Никому, кстати, не приходилось бывать в гвоздильном цехе? Нет? В нашей области таких, кажется, не имеется, это я, когда у брата гостил, заглядывал к нему на метизный завод. Так вот в этом самом гвоздильном цехе, едва переступишь порог, уши закладывает тишина. Звенящая тишина. Понимаете? Лязг от автоматов такой, что уши отказываются его воспринимать и выдают за тишину. Тут ори не ори, хоть пупок надорви, – в двух шагах никто тебя не услышит. Остается единственное средство общения – древний, как мир, язык жестов. Это напоминает мне наше общение с читателями. В оглушительной рыночной тарабарщине тонет живой человеческий голос. И сколько ни гуди мы о повышении конкурентоспособности нашей экономики – она ни на дюйм, ни на копейку не поднимется, если люди не захотят ее поднять. А чтобы они захотели это сделать, нужно думать о том, что в душе у них творится, почаще заглядывать туда с чистыми намерениями.

– Но на дворе уже двадцать первый век, и у нас, кажется, давно не социализм, при котором любой руководитель обязан был заглядывать в души подчиненных, – заметил Пыхтун. – Теперь каждый сам должен заботиться о себе. А у менеджеров в условиях рынка и без того забот хватает.

– Да какие это менеджеры! – возмутился Семеныч. – Это элементарные спекулянты: подешевле купить – подороже продать – вот и все их искусство.

– Какая перепродажа? О чем ты, Семеныч? Продают то, что сами произвели, на своем предприятии. И каждому, естественно, свой продукт хочется продать подороже. Так делают менеджеры во всем мире.

– Если бы они сами производили какие-то товары или создавали предприятия для их производства, тогда они были бы производителями. Но за все годы так называемых реформ никаких более или менее солидных предприятий, как не раз отмечалось в прессе, построено не было. Стало быть, наши скороспелые хозяева и их горе-менеджеры в массе своей владеют чужими предприятиями и пользуются тем, что производят другие – их работники, которым они ни хрена не платят, и заламывают за сделанный чужими руками товар запредельные цены. Так кто же они? Перепродавцы, обыкновенные спекулянты. Абсолютно безответственные. Они предпочитают только выкачивать прибыль из предприятий, доставшихся им задарма в пору ваучерных спекуляций, не заботясь о будущем тех, кто своим трудом создает им прибыль. Эти спекулянты платят им зарплату, которой во многих случаях едва хватает только на то, чтобы выжить. Уж если возомнили себя способными ворочать крупным капиталом, так учились бы у классиков капитализма, у капитанов большого бизнеса, как вести дело. Вот Форд, например...

– Какой еще Форд? Неужели Генри? Тот самый, который был великим спецом по созданию потогонных конвейерных систем? – ядовито осведомился Пыхтун.

– Пацан! Что ты знаешь о Форде? – смерил его презрительным взглядом Семеныч. – Ему, между прочим, принадлежит такая мысль: «Капитал, который постоянно не улучшает повседневных жизненных условий трудящихся и не устанавливает справедливой платы за работу, не выполняет своей важной задачи. Главная цель капитала – не добыть как можно больше

денег, а добиться того, чтобы деньги вели к улучшению жизни». Слышал ли ты что-нибудь подобное от кого-нибудь из наших олигархов?

Дмитрий, терпеливо ожидавший, когда Семеныч закончит диалог с Пыхтуном о проблемах управления, понял, что тот увлекся, и решил наконец напомнить ему о застывшей шахматной партии:

– Между прочим, Семеныч, ты не решил пока еще одну жгучую проблему: убрать ферзя или пусть его растопчет слон?

– А-а, да, – спохватился Семеныч. Взялся за ферзя, чтобы убрать его из-под нависшей угрозы.

Но в это время тихо задребезжал телефон. Семеныч взял трубку:

– Але... Да, я... Сейчас.

Бросил трубку, сказал Дмитрию:

– Подожди малость. Ответсек вызывает.

Через несколько минут вернулся, смел фигуры с доски.

– Придется доигрывать в другой раз. Шеф сейчас у губернатора и меня туда кличет. Так что раскланиваюсь с вами, джентльмены.

Непростые у него отношения и с шефом, и с губернатором, да и со всеми областными чиновниками. Он свалился в губернские «Ведомости» со столичных высот. Кому-то там пришелся не ко двору и оказался то ли высланным, то ли сбежавшим в провинцию по доброй воле. Подробности этого знал, похоже, только редактор, который работал с ним напрямую, без посредников. Он ценил в Семеныче профессионала и доверял ему больше, чем другим, давал ему возможность разгуляться в публикациях далеко за губернской околицей. Что, впрочем, не мешало редактору нередко отправлять в корзину казавшиеся ему неприемлемо резкими материалы Семеныча. А он, на собственном опыте убедившись, что Иван Васильевич вовсе не так страшен, как иногда может показаться, наградил его шутивным эпитетом «грозный». Именно потому, что полный тезка известного российского монарха может грозить сотрудникам редакции смертными карами, но практически никогда не использует на полную мощь свой административный ресурс. И с легкой руки Семеныча сотрудники стали часто в разговорах между собой звать шефа Иваном Грозным или Самодержцем.

Семёныч не в духе

...Давно закончилась беседа представителя Роспотребнадзора о качестве продуктов питания в торговой сети области, а конференц-зал все не пустовал: сотрудники редакции, получив обильную пищу для размышлений, все еще обсуждали тревожную тему. Но мало-помалу их интерес перемещался к свежему номеру губернских «Ведомостей»: что там в обзоре у Семёныча?

«Доигрались... – написал он в очередном обзоре «За околицей». – За семь месяцев этого года российский автопром снизил производство легковых машин более чем на 6 процентов. Что неизбежно ведет к массовым увольнениям сотрудников предприятий. «ИжАвто» еще несколько месяцев назад объявил о необходимости почти вдвое сократить численность работников. Горьковский автозавод за последние четыре года уже вдвое снизил количество занятых на производстве «Волги» и «Газели». В связи с резким сокращением пошлин на импортные комплектующие «посыпалось» производство автокомпонентов на российских предприятиях с соответствующими последствиями для численности персонала. Примерно каждого десятого должны сократить на Ярославском шинном заводе, а на Красноярском шинном – без малого половину работников. И это, судя по всему, только «цветочки», впереди гораздо более масштабные увольнения, ибо «процесс пошел». Если учесть, что российский автопром вместе со смежниками – это «глыба» под 14 миллионов работающих, то даже адекватное сокращению сборки легковушек шестипроцентное высвобождение «лишних» составит 840 тысяч.

В рядах либеральной экономической элиты раздаются голоса, что и спад производства, и массовые увольнения в отечественном автопроме – вполне естественные явления, свидетельствующие о нормальной реакции собственников на рыночную ситуацию. С этим можно было бы согласиться, если бы наши министры-монетаристы не слишком легко сдавали конкурентам целые отрасли, не создавая ничего взамен. Дошло ведь до того, что в прошлом году некий господин, едва оказавшись в кресле директора федерального агентства воздушного транспорта, высказался в том смысле, что авиастроение в нашей стране большого будущего не имеет, а потому должно «ужаться» до одного завода, выпускающего максимум пару типов самолетов. И это о почитаемой во всем мире наукоемкой, высокотехнологичной отрасли, стратегически важной для любого государства.

При «верховенстве» в высшем чиновничьем корпусе упертого монетаризма некогда могучий российский авиапром, на равных конкурировавший с Boeing и европейскими компаниями, основательно захирел, и в прошлом году по всей стране в эксплуатации имелось лишь 35 новых самолетов российского производства. Наше гражданское авиастроение долгое время с великим напрягом выпускало несколько самолетов в год. На бывших мощных авиазаводах страны появилось много пустующих производственных площадей, приносящих каждому предприятию ежемесячно миллиарды рублей убытков. Дабы как-то свести концы с концами, Казанское авиационное производственное объединение вынуждено было заняться ремонтом троллейбусов.

«Для Татарстана будущее российской авиации имеет особое значение, – заметил в своей статье в „Известиях“ президент республики Минтимер Шаймиев, – так как у нас расположен крупнейший не только по российским, но и по мировым меркам комплекс авиастроения. Его продукцией являются стратегические ракетноносцы, магистральные пассажирские самолеты, вертолеты, авиационные двигатели, навигационная аппаратура, приборы управления. Кризис 90-х годов не обошел расположенные в Татарстане предприятия, но все эти годы мы поддерживали авиастроение. Был даже период, когда работники фактически брошенных

федеральными властями предприятий по 10—14 месяцев не получали зарплату и мы вынуждены были раздавать им продукты питания и одежду».

Это же полнейший идиотизм – в угоду новой идеологии довести фактически до нищеты специалистов такой важной, наукоемкой отрасли!

Наши авиавладельцы душили неравные условия конкуренции с поддержанными самолетами зарубежного производства, ввоз которых стимулировался льготными таможенными платежами и другими поблажками. «Если эта практика продолжится, – считает Минтимер Шаймиев, – то о возрождении российского авиастроения можно забыть». Странно, как такая практика вообще появилась. Китай, например, в прошлом году, не мудрствуя лукаво, запретил ввоз в страну самолетов, аналоги которых могут выпускать собственные предприятия. Не потому ли и бурно развивается эта страна, что там власти последовательно и жестко отстаивают ее интересы?

В том же Китае, а также в Индии, Бразилии, которые за короткое время превратились в крупных автопроизводителей, ввозные пошлины на новые автомобили не опускались ниже 35 процентов. На поддержанные машины в Индии ставки составляли 159-200 процентов, а в Китае и Бразилии импорт таких машин был просто запрещен. В результате иностранные инвестиции в автомобилестроение этих стран лились рекой, так как из мировой практики известно, что ввозные пошлины в размере 35 процентов – это тот порог, споткнувшись о который, экспортеры автомобилей начинают думать о возможности переноса производства в ту страну, которая их импортирует. Однако при наличии перед глазами поучительного опыта у нас ввозные таможенные пошлины и на новые машины, и на поддержанные, как правило, большие стимулировали импорт машин, чем собственное производство таковых. К тому же стыдливые, если не предательские, решения о повышении ввозных пошлин на иномарки, в том числе класса «секонд-хенд», объявлялись задолго до их ввода в действие, так что дилеры и вольные перегонщики успевали до отказа «набить» ими наш авторынок. В результате российские предприятия вынуждены были снижать производство, а то и вовсе останавливать его.

То есть российский автопром, как и самолетостроение, и весь перерабатывающий сектор экономики, если и жив еще, то вопреки действиям правительства. И состоявшийся на днях в Зеленограде пуск современного предприятия по выпуску конкурентоспособных жидкокристаллических мониторов и другой электроники – это только приятное исключение из весьма неприятного правила. К тому же зеленоградский феномен отнюдь не покрывает потери рабочих мест, которые понесет автопром в результате организованной, по сути, с благословения экономического блока правительства «замены» отечественного производства автомашин импортом иномарок и их «отверточным» производством на российской территории.

Если бы это самое «отверточное» производство дополняло наш автопром, тогда от него была бы прибавка рабочих мест и, значит, польза, а так как оно неравноценно вытесняет российских производителей, то это уже другой коленкор. При сокращении численности товаропроизводителей автоматически увеличивается численность потребителей, которым негде зарабатывать средства на прокорм. А в торговле импортом всех высвобождаемых из сферы производства не приткнешь, так как этот бизнес может «пухнуть» только до тех пор, пока есть достаточное количество работающих в сфере товарного производства.

Герман Греф, Алексей Кудрин и прочие известные деятели правительства полагают, что реальный сектор экономики напрямую государственными деньгами поддерживать не положено, так как это противоречит основам экономического либерализма. Но почему же это у нас «ни в коем случае», а в странах «зрелого» монетаризма, если нельзя, но очень хочется, то можно? Правительство США, скажем, после терактов 11 сентября 2001 года, когда перед корпорацией Boeing замаячил кризис, выручило ее крупными контрактами. А евро-

пейский авиастроительный концерн Airbus в первые двадцать лет своего мужания вообще чуть не полностью финансировался бюджетами заинтересованных в нем стран Европы. Следовательно, если нельзя напрямую – делайте «накривую». Но делайте!

Без эффективного «вмешательства» в реальный сектор экономики и радикального роста занятости уже возникли сложности с наполнением пенсионного фонда. И вряд ли поможет кардинально изменить ситуацию увеличение пенсионного возраста, о чем как о палочке-выручалочке не впервые напомнил руководитель Пенсионного фонда РФ Геннадий Батанов. Для повышения пенсионного возраста нет пока и в обозримой перспективе не предвидится необходимых социально-экономических условий. Ведь, чтобы «отодвинуть» для миллионов срок выхода на пенсию, надо предоставить им возможность работать. А как это может получиться, если по всей стране во множестве больших и малых населенных пунктов жизнь едва теплится, так как предприятия-работодатели или уже отдали богу душу, или, выброшенные на экономическую мель действиями чиновников высшего управленческого звена, борющиеся за «идеологическую чистоту» проводимой ими политики монетаризма, оказались обречены на медленную смерть? Такая политика – это настырное выталкивание табуретки из под собственных ног с петлей на шее».

– И чего ты опять полез в столичную заваруху? – отложив газету, спросил его Пыхтун.

– Так за державу обидно, – ответил Семеныч. – А кроме того, в нашей губернии есть предприятия, которые от поганой заварухи в автопроме вот-вот по миру пойдут.

– Но ведь там у них, наверно, все не так уж просто, как может показаться провинциальному вольнодумцу. Они сами изо дня в день в том котле варятся и никак не разберутся, а ты, выходит, где-то что-то прочитал про их проблемы – и в один момент все понял и – рраз! – все управленческие и прочие трудности победил.

– Ну, во-первых, не только прочитал, – возразил Семеныч (вполне возможно, что обзор был рожден после вызова к губернатору, но Семеныч об этом помалкивает). А, во-вторых... тебе не приходит в голову, что, может быть, кое-кто там сел не в свои сани и вообще ни черта не понимает в том, чем руководит?

– Так уж прямо и ни черта, – язвительно ухмыльнулся Пыхтун. – На самых-то верхних этажах управленческой пирамиды, надо думать, не дураки сидят – доктора наук, крупные тузы-бизнесмены. Знают, наверно, куда гребут.

– А если там все-таки не туда гребут? По собственной воле или по причине обстоятельств непреодолимой силы, но не туда... – испытующе воззрелся на него Семеныч. – Ну вот, например, в Белокаменной нашей разные скороспелые спецы либерального призыва ухитрились создать такие условия, что по всей стране, в том числе и в нашем городе в торговые ряды косяком прут продукты, загаженные химией, и со всякими там «ешками», от которых у кого-то может разыгаться жуткий понос, а кто-то прихватит язву желудка, рак или еще что-нибудь малоприятное. Ты знаешь, что обо всем этом прекрасно известно и городским, и областным властям, и что, несмотря на это, они ни хрена не предпринимают. Твои действия?

– А какие могут быть мои действия? На то и власть, чтобы распоряжаться, а мое дело написать о том, как они оценивают ситуацию и что планируют предпринять.

– На амбразуру, значит, не полезешь, чтобы закрыть своих земляков?

– Ну, во-первых, зачем мне закрывать собой земляков, когда на то есть Роспотребнадзор, а во-вторых...

– Но ты же прекрасно знаешь, что спецам Роспотребнадзора перебили крылья разными глупыми указаниями, спущенными из Белокаменной. Они теперь в состоянии только констатировать поток отравы, поступающей черт знает откуда, но не в состоянии как-то его остановить. А мэр и губернатор, избранные народом, могли бы, во исполнение воли народа и ради

спасения его здоровья, предпринимать решительные и экстренные меры. Значит, тут в твоём сознании прокол. Так... А во-вторых? Ты сказал, что у тебя есть что-то во-вторых.

– А во-вторых, странная у тебя, Семеныч, терминология. Какие-то амбразуры, жертвы жизнью... Зачем? Сталина давно нет, его методы управления страной, когда жизнь человеческая ничего не стоила и ради сомнительного общего счастья запросто расстреливали тысячи, давно осуждены и преданы забвению. Двадцать первый век, Семеныч, на дворе. У нас уже другая страна, другие приоритеты, и теперь в цене жизнь каждого человека. Живи, Владимир Семеныч, радуйся и гребь широкой лопатой ценности цивилизации, доступа к которым мы еще недавно были напрочь лишены, – насмешливо посоветовал Пыхтун. И принялся протирать очки носовым платком.

– Она ка-ак... – воинственно нахохлился Семеныч. – Тебя, значит, вполне устраивает и нынешний курс наших доморожденных либералов на извращенное потребительское общество заокеанского образца, в том числе на обжорство жизненными благами наших верхних десяти тысяч на фоне нищеты половины россиян?

– Так чего ты хочешь, Владимир Семеныч? У нас свободное общество, в котором каждый хозяин собственной судьбы. Кто умнее и больше вкалывает, у того и благ этих самых больше.

– Послушайте, этот парень начинает мне надоедать, – глянул Семеныч на Дмитрия. С большим удивлением смерил взглядом Пыхтуна. – Так тебя устраивает, что ли, то, что полстраны прозябает в нищете, как какое-нибудь полудикое племя в африканских джунглях?

– Меня устраивает то, что теперь и у нас, как в цивилизованной стране, у всякого есть возможность разбогатеть, стать миллионером и даже миллиардером и открыто пользоваться заработанными преимуществами. Не так, как это было при социализме, когда вынуждены были прятать собственный достаток. Теперь нам предстоит сильно напрячься, чтобы догнать по уровню жизни Запад, который ушел далеко вперед. Пока мы тут, надрываясь, строили свой золотушный коммунизм, они там его практически построили, хотя и не ставили такой цели. Просто жили, просто строили, без всякого там героизма и самопожертвования, и построили. Потому что там было нормальное государственное устройство, нормальные, естественные экономические отношения. А мы надорвались и профукали свою большую страну, довели ее до развала.

– Что ты понимаешь, пацан! – бросил презрительно Семеныч. – Не профукали бы, если бы на самом вершине у нас не завелись двурушники, падкие на богатую жизнь заокеанских и прочих западных толстосумов. И никакого такого коммунизма они бы там у себя не сварганили, сели бы перед ними не торчал бельмом в глазу Советский Союз, который поставил цель построить общество равных возможностей для счастливых людей. А надорвались мы, как ты говоришь, то есть наша экономика, из-за изматывающей гонки вооружений по причине холодной войны, в которой нам противостоял весь так называемый Запад. Это была настоящая война на уничтожение, разве что другими средствами. Только представь себе, в Великую Отечественную нам противостояла мощь всей покоренной Гитлером Европы, кроме Англии и Соединенных Штатов, которые были нашими вынужденными союзниками. И Япония нам на Востоке только угрожала, но не совалась. А в холодной войне нам противостоял весь Запад, в том числе Англия, США, да и Япония. И от того, что мы надорвались в гонке вооружений, плохо не только нам, но и победителям. Они теперь, как и мы, оказались в плену всепожирающего потребительства американского пошиба. Которому, чтобы существовать, надо без усталости жрать, жрать и жрать: полезные ископаемые, людские ресурсы, научные достижения, финансы – все, что есть ценного на Земле. И Америка теперь в ранге победителя всем пытается диктовать: делай, как я! Что угрожает быстрым истощением земных ресурсов для всех, в том числе и для Соединенных Штатов. А социализм, к твоему сведению, – бросил Семеныч враждебный взгляд на Пыхтуна, – позволял планировать расход всех и всяческих ресурсов. В принципе позволял, пусть не всегда это у него здорово получалось. Тебе это понятно?

– Да ну тебя, устроил тут коммунистический ликбез, – махнул рукой Пыхтун.

– А тебе это, выходит, совсем не по нутру?

– Так этот поезд, Владимир Семеныч, давно ушел и свалился в глубокую пропасть, – усмехнулся Пыхтун. И направился на выход.

– Ладно, иди гуляй, пацан, – сказал Семеныч. – Созрешь для дельных вопросов – обращайся... Либерал сопливый, – процедил сквозь зубы вслед ему.

– Ну зачем уж вы так, – Владимир Семеныч, – укоризненно пропела Тамара.

– Зачем?.. Затем, – нахмурился Семеныч. – Он же в газету регулярно пописывает. Измышления его расходятся немалым тиражом, и вот тут-то и растет такая, знаешь ли, кочерыжка... Мы насилуем матушку-природу, плюем ей в душу, загаживаем ее ради таких вот охламонов, ради того, чтобы угодить, чтобы удовлетворить их, видите ли, растущие потребности. И мы плохо кончим, мы утопим в дерьме их потребностей всю цивилизацию раньше, чем успеем слетать разок-другой в какую-нибудь соседнюю звездную систему. Не прельщает меня, черт возьми, такая перспектива, – стукнул он себя кулаком по коленке. – Ведь это что-то противоестественное, это просто не по-русски – все жрать, жрать и жрать, и требовать еще больше жратвы. Русским в массе своей, в принципе всегда требовалось жизненных удобств и удовольствий не так уж много, и чуть только их становилось больше, чем надо нормальному человеку, – даже самые высокопоставленные и избалованные начинали с жиру беситься, брыкаться, чудить. Да и Запад вон... по той же причине дурью мается. Катится в таргар. Метит, кажется, в последователи Содома и Гоморры... Для нас всегда важнее было душу утешить, сохранить ее в чистоте, а не пузо набивать, не тело холить.

Семеныч был не в духе.

– Злой вы какой-то сегодня, Владимир Семеныч, – покачала головой Тамара. – Ой, какой зло-ой!

– Я, по-твоему, злой? – удивленно вскинул брови Семеныч. – Не-ет, я-то не злой. Злой тот, кому на всех наплевать, кто живет только самим собой, а я... я, может, наоборот, добрый. Вот Пыхтун – злой. И Трошкин злой, хотя внешне – сама благовоспитанность и христианская смиренность.

– Ну ладно, ладно, Семеныч, – рассмеялась Зоя Владимировна. – Что ты надулся? Пусть все так, как ты говоришь. Только зачем человека-то обижать, пока он ничего плохого...

– Да терпеть его не могу! – раздраженно сказал Семеныч. – Аллергия у меня на него, условный рефлекс: как увижу – в горле першит. Ему бы только травку бесхлопотно пощипывать да размножаться. Как козе какой-нибудь. Но от той хоть польза: молоко, шерсть, мясо дает. А этот к чему?.. Пропихивать в сознание читателей поганые идеи столичных либералов-рыночников, которые через него транслируют их населению области? Он ведь и идеи эти использует, как безмозглая скотина. Только потребляет: хрум, хрум – и все. А что из этого выйдет – мысли нет.

– И пусть себе пощипывает травку-то, пусть хрумкает, – сказала добродушно Зоя Владимировна. – Тебе-то что? Мешает он разве?

– Не мешает? – спросил Семеныч.

– Не мешает, – подтвердила Зоя Владимировна.

Будто сигнал ему посылала: успокойся, побереги себя и нервы. «Не мечи бисер...» – говорила ему мысленно, напоминая о том, что говорила не раз прежде. Между ними шел только им понятный диалог. И он понял ее, она его убедила.

– Ну и ладно, и пусть пасется, – согласился он. И даже примирительно улыбнулся, хотя по лицу пробежала тень, в сузившихся глазах мелькнули жесткие огоньки. – Никому не мешает. И мне не мешает.

Даруй мне, судьба моя,

– дурашливо запел он на манер частушки, подражая высокому девичьему голосу. Поднялся со стула, стал выбивать ногами дробь, помахивая вытянутой рукой так, как если бы в ней был платочек. —

...И поступок самый гнусный
Совершу за пищу я.

Потом взял регистром пониже, будто подключая нового певца:

В душу чистую нагажу,
Крылья мыслям отстригу,
Совершу грабеж и кражу,
Пятки вылижу врагу.

– Йэх-х! – воскликнул громко и пустился выплясывать вприсядку, выдыхая сомнительного происхождения куплеты:

Опа! Ели
Жареные раки.
Приходите, девки, к нам —
Мы живем в бараке...

Притомившись, сел на стул, вытянув ноги. Помолчал. И подытожил:

– Так что, ради вот этого только и жить? Но разве ж это жизнь?.. Такая гадость – эта ваша рыба! Нет, ребята, это не заливная рыба, это стрихнин какой-то.

Рассмеялся. И ушел, оставив зрителей в недоумении: что это было? Выплеск накопленного в душе протеста или шутка, розыгрыш, фонтан несерьезного экспромта? Все же знают: когда он пускается в философские экспромты или затяжные логические тирады с при-месью шутовства, сложно понять, где он говорит всерьез, а где только манипулирует логическими построениями, разыгрывая слушателя. «Понимаешь, Дима, – сказала однажды Тамара, – по моему, он просто всякий. Иногда я думаю, что это божий человек, ну прямо-таки как юродивый какой-то, а иногда – безбожный книжник. То он у меня – чуткая, чистая душа, а то – грубый, воинствующий мужик, который умеет постоять за себя. А в общем, это, наверно, неукротимый аристократ, носитель смелого, раскованного духа. Не знаю уж породистый или беспородный, но аристократ».

...И сдрейфил витязь-князь

Едва он открыл дверь – в уши ударили тугие звуки музыки. Магнитофон, включенный чуть не на полную мощность, исторгал песню из фильма «Земля Санникова».

Чем дорожу, чем рискую на свете я?
Мигом одним, только мигом одним...

– бодро напевала на кухне жена, скобля ершиком посуду под струей воды. Для нее мыть посуду – едва ль не самое скучное занятие.

Чем дорожу, чем рискую на свете я?
Мигом одним, только мигом одним...

– шепеляво горланил вслед за ней Олег, размахивая стаканом с молоком.
У обоих как будто прекрасное настроение
– Чего рано сегодня? – донеслось из кухни. Дмитрий скорее догадался, чем услышал, о чем говорит Ольга.

– Да в командировку еду.
– Что?

Он приглушил магнитофон.

– В Ветрянск отправляюсь.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

– А-а...

В голосе – абсолютная пустота. Ни удивления, ни сожаления – ничего.

– Включи, пожалуйста, опять погромче, – крикнула она.

– Куда еще? И так мозги ежатся.

Она появилась в комнате со сковородкой в руке:

– А мне не хватает шума.

– То есть у тебя потребность в бодрящих звуках?

– Вот именно.

– Ты хочешь сказать, что они заменяют тебе жизнь, что мне удалось загубить твою цветущую молодость?

– Увы, – вздохнула она, – я уже живу воспоминаниями о молодости, а не ожиданием ее.

– И не надеждой на светлое будущее?

– И не надеждой на светлое будущее, – зло поджала она губы.

Олег, почувствовав ситуацию, заговорщически подмигнул ему, свел глаза к переносице, состроил двумя руками длинный нос – хотел развеселить. Дмитрий автоматически сделал то же самое – он рассмеялся.

«Опять нытье, опять упреки... – поморщился Дмитрий. – Сколько можно кусать за одно и то же! Это в конце концов надоедает».

Времени еще было предостаточно, по телевизору транслировали эстрадный концерт, но оставаться дома не хотелось. Привычно побросал в свою походную сумку самое необходимое для командировки, чмокнул в нос Олежку, открыл дверь:

– Все. Меня нет.

– Надолго? – выглянула из кухни Ольга.

– Как получится: может, через пару дней вернусь, а может, через четыре.

Выйдя на улицу, вспомнил, что не удосужился поинтересоваться прогнозом погоды. Она нередко лиха на сюрпризы, и надо бы знать, что одеть. Хотя в итоге все равно, может быть, посинеешь от холода в толстом свитере или взмокнешь от духоты в легкой куртке.

«А-а, ладно. Как-нибудь. Не возвращаться же... А то снова заскрипит про цветущую молодость... И чего взъелась?.. Ну забыл. Могла бы догадаться, что не от равнодушия это – от занятости. Сама ведь видела: вымотался до предела. Наизнанку пришлось вывернуться, чтобы выполнить спецзадание Ивана Грозного по просьбе губернатора. Попробуй-ка играючи изобрази так, чтобы и овцы были целы, и волки сыты, и в то же время по делу – то, что надо, – хотя бы немного что-то было сказано.

Всю ночь тогда чай гонял, чтобы не заклевать носом, накурился до тошноты. Только под утро брякнулся на диван, не раздеваясь... После работы подсел к телевизору поглазеть на хоккейный матч – ни на что другое сил уже не было, – да так и заснул в кресле. А на следующий день объяснялся с Ольгой – хмурой и молчаливой. Оказывается, начисто забыл об очередной годовщине свадьбы и совсем не заметил на ней нового платья.

– Я, как дура, вырядилась в новое платье, а ты храпишь перед телевизором. Хороша картина, – зло выговаривала она. – Вижу, как же, – я давно стала для тебя всего лишь домработницей.

– Ну, а кем же, — вспыхнул, – ты еще будешь для меня, если ни на что другое не тянешь? Любовь ты понимаешь только как любовь к тебе, девичья свежесть уже увяла, а ум... его, выходит, в тебе и не было, по молодости я его когда-то выдумал. Если бы он имелся, то могла бы догадаться, что мне было не до знаменательных дат в нашей совместной жизни.

Увидев, как она побледнела, тотчас сообразил, что ляпнул лишнего. Ведь новое платье было для нее не просто обновкой – оно было неким символом ее неувядающей привлекательности, женственности, и потому обязан был его заметить, и о годовщине свадьбы вспомнить. Даже если бы от усталости приполз домой на карачках. А потом уж можно было забыться мертвецким сном. Тоже, наверно, надулась бы, но, глядишь, быстрее бы поняла, легче простила. А так... Полное невнимание заставило ее испытать всю горечь поражения как женщины.

Поняв это, хотел как-то загладить свою вину, но ничего не получилось. Она ускользнула в ванную. Когда вышла оттуда, о перенесенной обиде говорили только немного покрасневшие глаза. Она выглядела совершенно спокойной, и можно было подумать, что все в порядке. Но потом разглядел за спокойствием холодную отчужденность.

– Ты все еще дуешься на меня, моя жгучая брюнетка? – перебростил мосток к примирению. Заглянул виновато в ее черные глаза, обнял за худенькие плечи.

– Нет, – удивленно округлила глаза. Отстранилась. – А что, разве тебе это действительно интересно?

«И когда она приобрела эту дурацкую манеру таращить глаза?.. Чем-то ты ей не нравишься, Седов... Чем? Тем, что часто сматываешься, оставляешь их одних, забываешь о маленьких семейных событиях?.. „Все, – говорит, – едешь, едешь, мельтешишь...“ Ну и что? Один, что ли такой? Многие мотаются по командировкам. Двадцать первый век. Скорости, миграции. Кто куда, кто зачем... А я куда? Вот сейчас куда ты, Седов? Писать о событии, к которому ты лично не имеешь ни малейшего отношения? Кроме чисто профессионального, конечно. Писать о человеке с интересной судьбой? Должно быть, с интересной. Со своей. Он устраивал ее, свою судьбу, как умел, а ты? При чем здесь ты?.. Может, права Ольга? Вся жизнь из осколков чужих судеб, из которых не составишь свою. Сменяют одна другую, как в калейдоскопе, – разные, пестрые, а ты приник к глазку трубки и крутишь, крутишь, крутишь ее – зыркаешь. Исследуешь, описываешь, негодуешь, восхищаешься... Экономика, технологии, рекорды, завалы, люди, судьбы, радости, жалобы – все сплелось в один клубок, перепуталось, перемешалось в одном водовороте. И несется с ревом на тебя масса информации, грозя, как неукротимый горный поток, свалить, смять, исковеркать и, безвольного, помчат по течению, а тебе

надо, ты должен идти и против течения, исходить его вдоль и поперек, лоя, как коряги, несущиеся на вспененной поверхности факты, обрывки чьих-то мыслей, и составить из разной галimatы какое-то свое мнение, сформулировать какие-то собственные выводы. Не просто это... Дай бог, кажется, хотя бы не утонуть, удержаться на плаву. И не сдаться, не перестать сопротивляться течению, подбирая лишь то, что оно подсовывает под руки... Ты не сдаешься. Стараешься не сдаваться. Но вот... Некогда заняться своей судьбой. А надо бы... Расклеилось в ней что-то. Жена вон совсем почужела, посварливила, ворчит все, недовольна чем-то... Нда-а... Ну, а как это – заниматься собой, своей судьбой? Устраивать собственный быт, плодить детей, зарабатывать награды? Или достаточно заниматься своим делом? На совесть... Но я и занимаюсь им, не сачкую. И все бы ладно, да вот поди ж ты – приходится оглядываться на нее – на собственную судьбу. Тащится сзади шавкой, прикладывается носом к штанине, принюхивается и пугливо останавливается или шарахается в сторону, встретившись с твоим пренебрежительным взглядом. А чего она тащится за тобой – куснуть целится да не решится?... Совсем не страшная вроде – моська жалкая, пни – рассы—плется на истошный визг, а бог ее знает, что у нее на уме. Вот и оглядывайся...»

Контора Щеглова, располагавшаяся в нескольких километрах от не отличавшегося экологическим благополучием рудника, утопала в зелени между двух озерков, окаймленных веселым разнотравьем вперемешку с сосновыми и березовыми рошицами. И в унисон с этой тихой благодатью степенно возился населявший ее чиновный люд. С глубоким чувством собственного достоинства, плавно, как фрейлина голубых кровей, спускалась вниз по лестнице, чуть касаясь рукой перил, изящная брюнетка средних лет с пышной замысловатой прической. Сложив на грудь тройной подбородок, чинно прошастал в туалет невозмутимый толстяк в распахнутом пиджаке, с блестящими от бесконечного ерзанья на стуле штанами.

Директора на месте не оказалось. Он должен был появиться через час-другой. Главный инженер смотался в столицу. Чтобы не терять зря времени в ожидании директора, Дмитрий заглянул в планово-экономический отдел за предварительной информацией о положении на руднике. Но получил от ворот поворот. Сухой, морщинистый начальник отдела, не отрываясь от бумаг, вежливо объяснил, что без указания директора он никаких сведений дать не может.

– Почему это вдруг? – не понял Дмитрий.

– Таков порядок.

– Но его же нет. Когда еще он прибудет... Зачем же все замыкать на нем?

– Ничего не знаю. Когда прибудет, тогда и будем разговаривать. Если поступит от него указание.

– Хм... А если бы его совсем не было? Ну заболел бы, например, в больницу надолго слег – тогда как? В палату к нему пришлось бы идти за разрешением? – сыронизировал Дмитрий.

– Тогда бы за него остался главный инженер, – бросил на него хмуроватый взгляд начальник отдела.

– Ну, а если бы главный, как сейчас, в командировке был? – не унимался Дмитрий.

– Ну, не знаю уж... – сдвинул тот брови, – не мое дело.

Стало ясно, что, хоть стреляй его, ничего больше от него не добьешься. Сунулся в пару других отделов – тоже ссылаются на субординацию. Пришлось терпеливо ждать директора.

– Что у вас за порядок странный заведен? – спросил, проходя вслед за ним в кабинет. – Ни к кому не подступишься, все, как на сверхсекретном производстве, без вашего специального указания не желают называть ни одной цифры, ни одной фамилии.

– А вам он не нравится – такой порядок? – внимательно глянул на него Щеглов.

– Да как сказать... В первую очередь вам лично он должен бы не нравиться. По меньшей мере нерационально расходуется директорское время – приходится отвлекаться на мелочи. Ну хорошо, мы, из области, раз в год, а то и в два к вам явимся, а районные газетчики? Они же, наверно, то и дело вас теребят разными вопросами. То, что могли бы сказать другие, они вынуждены узнавать у вас. А вам ведь все равно приходится, наверно, вызывать к себе тех же специалистов, с бумагами или без них. На то ведь они и специалисты, чтобы знать что-то лучше, чем вы.

– Ну, а по большой мере, по большому счету? – рассеянно полез он ковыряться в зубах.

– А по большому счету... – злость ударила в голову, и Дмитрий невольно возвысил голос. – По большому счету это посягательство на свободу слова, свободу совести.

– Ну-у?

– Так ведь... вы же в сущности заставляете нас, журналистов, выслушивать только ваше мнение.

– А оно вас не интересует?

– Не всегда во всяком случае, иногда – вовсе может не интересоваться.

– Насильно мил не будешь, конечно. – Бросив ковырять в зубах, он громко цвикнул, втягивая воздух сквозь зубы. – Нравится это вам или нет, а на предприятии должен быть и существует принцип единоначалия.

– Да, но единоначалие и единомыслие – это все-таки не одно и то же.

– М-да... Возможно. Возможно... – чуть заметно усмехнулся он. – Ну ладно, – откинулся на спинку кресла. – Оставим нашу дискуссию... Итак, чем могу быть полезен? С чем пожаловали ко мне?

– Да с миром я к вам, Сергей Леонтьевич. Главным образом, по поводу юбилея вашего предприятия. И в связи с этим простой вопрос: с чем, с какими результатами встречаете его и каковы перспективы? Естественно, хотелось бы узнать, скоро ли покончите с долгостроящим – обогатительной фабрикой, на которую возлагают серьезные надежды в Зареченске. Кроме того, хотелось бы написать о вашем механике Пермьякове. Не возражаете?

– Никаких возражений. Пермьяков был и остается спец что надо. Многим молодым нос утрет. Что же касается юбилея... Могу сказать так: звезд с неба не хватаем, но крепко стоим на ногах. Наш рудник стал в свое время одним из тех первенцев химической промышленности бывшего Советского Союза, появление которого на экономической карте страны способствовало развитию новой отрасли – производству борной кислоты. До того минимальные потребности народного хозяйства в борной кислоте и буре отечественные заводы удовлетворяли, используя в производстве в основном импортное сырье. Правда отечественные бораты по своему химсоставу сильно отличались, да и сейчас отличаются от зарубежных. Налаживание их переработки потребовало больших усилий ученых и спецов-производственников химической промышленности. Мы выстояли в тяжелое время распада Советского Союза. Нам удалось сохранить и укрепить партнерские связи с большинством предприятий – потребителей нашей продукции. Но в сырье нашего месторождения содержание окиси бора изначально колебалось в довольно широком диапазоне, а в основном оно всегда относилось к бедным боратам. И это было нашей постоянной головной болью. Поэтому и обогатительную фабрику у нас начали строить. Но с тех пор в стране случилось много разных перемен, а у нас совсем мало осталось руды даже с низким содержанием бора. Можно сказать, совсем не осталось.

– Прибедняйтесь, Сергей Леонтьевич, – возразил Дмитрий. – У вас, я слышал, есть и промышленные скопления боратов.

– Да какое там... – махнул рукой Щеглов. – Попадаются разве что микроскопические вкрапления, но никак не промышленные скопления. Гоним главным образом обыкновенные силикаты для выпуска стройматериалов.

– Как так? Ведь последние маркетинговые исследования показали, что у вас тут должны быть бораты.

– Хо-о, когда это было... Пересмотрели геологи свой прогноз. Пересмотрели.

– Та-ак, и что же теперь?.. Строили, строили обогатительную фабрику, а она теперь ни к чему?

– Ну почему же, пригодится... Ее потому и так долго строили, что некоторым дальновидным руководителям уже давно ясно стало, что ей предстоит перепрофилирование.

«Странно, – подумал Дмитрий. – Зачем же редактор нацеливал меня на то, чтобы поинтересоваться фабрикой? Но ведь не из праздного любопытства нацеливал, с кем-то из областной администрации, видимо, согласовывал. Неужели и там не знают, что о здешних боратах пора забыть? Бестолковка какая-то. Не-ет, тут что-то другое, какой-то осмысленный ход... А зареченские химики на что же тогда рассчитывают? Или это какие-то хитрые финты собственников комбината? Пытаются, что ли, найти все-таки решение проблем водоснабжения в технологии, в лучшем использовании сырья? Это тоже существенно, но не самое главное. И все-таки сталкивают на это. Что тут? Только бестолковка или?.. Может, и тут кто-то кого-то крышует? Черт знает».

– А в Зареченске, выходит, напрасно на вас надеются, – сказал он.

– Не знаю, на кого они надеются. Им там при их технологии хоть какое богатое сырье подавай, все равно нет гарантии, что половина основного вещества не окажется в отвалах.

Щеглов замолчал и стал перебирать бумаги на столе, выжидаяще глядя на Дмитрия.

– Ну, а что в перспективе? – спросил он. – Какие планы и проблемы?

– В перспективе – работа, – пожал плечами Щеглов. И опять замолчал, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

– Но вы же, Сергей Леонтьевич, насколько мне известно, совладелец предприятия и потому...

– Вот именно, что только «со», но не полный владелец, и потому от меня тут ничего не зависит. Значит, и распространяться насчет перспектив для меня затруднительно.

Дмитрий пытался его разговорить, но тщетно: Щеглов захлопнулся.

– Странно, – сказал Дмитрий. – Можно подумать, что у вас тут какие-то секреты, как на режимном объекте особой важности.

– А вы думаете, их нет?

– Да вроде бы нечего таить.

– Ошибаетесь. На всяком мало-мальски значимом предприятии они есть.

– Откуда вдруг?

– А коммерческую тайну вы исключаете?

– Хм... – слегка опешил Дмитрий. – Нет, не исключая. Но все-таки... Предприятие не огорожено забором с колючей проволокой, у него открытый счет в банке и, казалось бы, лишняя публикация в прессе о нем, о его перспективах развития ему никак не повредит. Это же реклама...

– Мы не нуждаемся в рекламе, – перебил Щеглов. – Люди у нас, слава богу, постоянно при деле и получают достойную зарплату. Строят свои дома, у многих есть машины, в том числе приличные иномарки... В общем, все ажур. Что еще надо? Как поется в одной песенке, важнее всего результат. Не слышали?

– Нет, – сказал Дмитрий, хотя слышал такую песенку. Ему хотелось, чтобы Щеглов побольше раскрылся.

– Жаль. Хорошие слова... Ну, в экономике это называется немного по-другому: конечный результат. Так вот, конечный результат у нас вполне приемлемый. А как я его добиваюсь – это уж мое дело, хозяйское. Может быть, секрет фирмы, – ухмыльнулся Щеглов. – А можно ли мне не бояться раскрыть секреты производства? Твердо отвечаю: нельзя! И точка. О поза-

вчерашнем дне рудника могу сказать – что хотите. О вчерашнем могу сказать – ну, кое-что. А о сегодняшнем, о завтрашнем... нет, не могу, увольте. Рискованно! Если бы речь шла только о модной нынче прозрачности, как о важном показателе добросовестности ведения дела... Но вы ведь хотите, чтобы я на весь белый свет трещал о том, чем я располагаю и что могу предпринять, то есть раздеть меня донага и просветить рентгеном, а мне это не надо, руднику – тоже. «У вас, Сергей Леонтьевич, – скажут мне, – вон какие возможности, а вы жметесь». Начальство гайки закрутит, чтоб служба медом не казалась. Конкуренты позавидуют, станут, чего доброго, палки в колеса ставить, так что пупок развяжется, в калошу сяду. Сегодня меня, неудачника, потерпят акционеры, завтра потерпят, а послезавтра – выгонят. Зачем мне это? Я не враг себе.

– Так уж прямо и выгонят... Сгущаете краски, Сергей Леонтьевич.

– Пусть даже не выгонят, выживу – все равно мне прощения не будет, перед самим собой не будет. Себя в первую очередь стану винить в провале, болтливость свою прокляну... Зачем надрываться над нереальными задачами и заваливать их? Когда работаешь на пределе, нет возможности думать о той самой перспективе, нет возможности подтягивать тылы – в общем, гармонично развивать свое хозяйство, и получается работа на износ, пока грыжу не наживешь. А сейчас я имею возможность думать о перспективе и планомерно, без скачков и спадов двигаться дальше. Это потому, что я молчу о резервах, не лезу на рожон ради звезды героя. Сиюминутный успех может обернуться катастрофой для предприятия – его задушат. Я не хочу полагаться на чью-то порядочность и дальновидность – предпочитаю полагаться на собственное здравомыслие... А то вон тузы наши государственные раскукарекались на весь белый свет, показали всему миру все, что есть и чего нет, распахнули души нараспашку – и пустили страну под откос... Так что уж не взыщите великодушно, а я кое о чем умолчу. Ради блага предприятия и ради рабочих, которые хотят и имеют право получать премии. Не хочу, чтобы меня задушили. И, думаю, это вполне адекватное поведение в тех условиях, которые нам предлагает рынок.

...Дмитрий был озадачен, обескуражен. Щеглов стоял у него перед глазами – крупный, лобастый, бровастый, чувствующий в себе силу, умный, нахрапистый – и Дмитрий не знал, как к нему относиться. Что это? Кто он? Лидер, символизирующий симптом какого-то нового крена в сознании руководителей или исключение из правил, белая ворона?..

Легкой прогулки за злободневным интервью не получилось. С грехом пополам удалось выжать из Щеглова признание о кое-каком новом оборудовании, после чего пришлось ему раскошелиться и на несколько цифр, показывающих, что дала предприятию эксплуатация этого оборудования. Вопрос о перспективах Щеглов сумел-таки замять... Малость поднатужиться – и можно, конечно, при желании из минимума фактов сварганить материал на злобу дня. Но выдавать на-гора дохленькое интервью желанья не было. Этот Щеглов уже отравил сознание своими откровениями, нахальством, и жег душу стыд неясного, не вполне понимаемого происхождения. Стыдно было вроде бы от того, что пришлось, будто щенку с покорно опущенным хвостом, свесившимися ушами, кротко ретироваться из кабинета, но было и еще что-то – глубинное, более важное, только не оформившееся пока ни в мысль, ни в отчетливое чувство.

Оставалось надеяться, что больше повезет с кандидатом на очерк. Из официальных бумаг, хранящихся в отделе кадров, и рассказа кадровиков о Пермякове интересный вырисовывался человек. По крайней мере есть как будто, о чем писать. Думает человек, ищет, спотыкается, портит отношения с начальством, чтобы доказать что-то свое. Не какой-нибудь там пентюх тихий – забьется однажды в угол и сопит, подремывает, коротает свой век. Никого не трогает. Знай уминает подстилку в своей норе. И никогда ничего с ним не приключалось, и ничего-то у него нет за душой, кроме исполнительности. Слепой исполнительности.

... Вечером пришел к нему. Рука утонула в широченной лапе кривоногого богатыря с громадной плешью и косыми глазами.

Сразу вспомнился почему-то дуб в парке. Проходил как-то мимо него, направляясь к автовокзалу, и невольно остановился, загипнотизированный. Осиротела, раздвинулась полянка среди сбросивших листву тополей – только он, мощный, гордо вознесшийся над ней, сохранил еще приличную крону, хотя и густо помазанную уже желто-бурой краской... он был хмур, одинок и печален в окружавшей его осенней печали. Но выглянуло из-за тучи солнце, ударило теплым лучом в его вершину – и она, засверкав, словно увеличилась в объеме. Взгрустнувший было, задумавшийся в мрачноватый осенний день над брэнностью жизни гигант вмиг воспрянул от ласки светила и, будто добрый молодец, тряхнул золотыми кудрями, расправил плечи... Вот что значит подходящие условия, хороший фон. Так и горбатый старец станет розовощеким богатырем.

Дмитрий отбросил всплывшую в сознании картину с дубом, как наваждение. Еще раз критически окинул взглядом своего героя. «Деликатная внешность, наверняка возбуждает фантазию остряков. Чуть перебор – и герой превратится в посмешище. Так что придется попотеть, аккуратно подретушировать... Или уж лучше выслушать упрек ответсека, что не дал портрет?..»

К счастью, он сам оказался не лишенным юмора.

– Как же, – смеется, – вы будете меня описывать? Вот вы, поди, думаете, что я сейчас мимо куда-то, на стенку гляжу, а я вас держу в фокусе. Когда парнем безусым был, так знаете, сколько стыда натерпелся! Прямо хоть топись. Особенно когда она вон, хозяйка-то моя, – кивнул на дородную жену, – чуть меня на другого не променяла... Раз как-то из кинохроники приезжали – это еще при прежней жизни, при социализме – вот потеха была! Расставили они свои прожекторы, или как их там, экскаватор к мастерским по-быстрому пригнали им поломанный, чтобы я, значит, как спец экстра-класса, в момент диагноз поставил. Выхожу из ворот, гладко выбритый по этому случаю, направляюсь к экскаватору и вдруг – стоп-машина! Главный их машет рукой: тушить свет! И на меня, как на изменника, зыркает. В хлопотах-то первый раз меня толком разглядел. Пошли совещаться, каким боком меня поставить, чтобы я смотрелся передовиком. Хотели другого взять, а начальство меня сует. Чуть не целый день мучились, несколько дублей сделали. Показывали потом у нас этот журнал – ничего получилось. Жена еле-еле признала меня.

– Кхе-кхе-кхе, – громко смеется он, как кашляет, вытирая слезы. – Да вы не смущайтесь. Я давно уже привык к тому, что киноартистом мне не бывать, разве что в роли злодея или недотепы попробовать... Между прочим, если хотите, моя окаянная физиономия и заставила меня работать, как дьявол. Ей, Анастасии Филипповне, а тогда еще Настенке, хотел доказать, что тоже кое-что из себя представляю, что такими женихами, как я, не разбрасываются. Эх, – неожиданно прервал он себя, – а чего это мы на сухую беседуем? Может, сообразим по чарочке? Для разговору? А? Как вы насчет этого?.. Чтобы разговор шел глаже. Да и отужинаем заодно.

Дмитрий побаивался, как бы не помешал механику раскрыться комплекс неполноценности и сказал, что можно. Жена будто только этого и ждала – в момент накрыла стол, поставила рюмки, принесла запотелую бутылку «Пшеничной».

– А зачем к вам приезжали из кинохроники? – пытается Дмитрий направить беседу в рациональное русло.

– Так меня два раза для кино снимали.

– Ну-у?

– Точно. Один раз не так уж давно, я уже механиком стал, а другой раз – давно, тогда я еще экскаваторщиком работал.

– И это попробовали?

– Не то слово – «попробовал». Гремел! Рекорды ставил. И вообще, знаете, как оглянешься назад, – интересно я прожил жизнь. Ну, вот как на духу, без всякой рисовки. И уважение настоящее узнал. Хотя и косой, – хмыкнул опять. – Но давайте по порядку: подыдем сначала по стопке, перекусим, а то я, знаете, еще не ужинал – вас поджидал. Мне ведь доложили уже, что корреспондент из области мной интересуется.

Через полчаса он, не замечая того, перешел с Дмитрием на «ты».

– Знаешь, Дима, что, по-моему, самое главное? – косил глазами куда-то в его ухо. – Самое главное – почувствовать интерес. И ответственность. По молодости этого не всегда хватает. И у меня сначала не хватало. Вот сейчас пишут в характеристиках: «Пермяков требователен к себе и подчиненным». А с чего она завязалась – требовательность? С выговора завязалась, с того, что разжаловали меня из машиниста экскаватора в помощники... Смену я однажды плохо принял. Ну, совсем не проверил экскаватор. Сразу сел – и вкальвать. Понадеялся на опытного машиниста, да тот сам сплоховал, не осмотрел его лишней раз. Мы с ним, как черти, напролом лезли к рекорду месячной выработки: с одной стороны, в общий котел, а с другой, – каждый еще хотел другому нос утереть. Вот было соревнование!.. Но не зря говорят: где тонко, там и рвется. Не выдержал механизм двойной халатности: сломался центровой вал – дорогой, на импортном экскаваторе. Ох, и злой же я был. На весь белый свет был злой, но особенно на собственную персону. Ну, а когда малость поостыл, кое-что уяснил для себя. Понял: самая безобидная вроде небрежность – родная сестра страшной халатности, а халатность эта самая в любой момент может привести к аварии. Давно это было, и грех свой я давно как будто искупил, а случай тот до сих пор занозой сидит у меня в совести, – поколотил он себя в грудь. – Чуть что – цоп себя за руку: шалишь, брат; однажды ты уже наломал дров своей лихостью. Начальство бывает – сам ты, поди, знаешь, – за горло хватает: вынь да положь для рудника исправный экскаватор, так что иной раз и выхода как будто другого нет, кроме как словчить, закрыть глаза на кое-какие неисправности: авось, мол, обойдется. Я – никаких, только на совесть, даже если выговор корячится. Сам в лепешку расшибусь, снабженцам, слесарям нервы вымотаю, но сделаю все, как положено.

– Обижаются?

– Кто?

– Да снабженцы, слесари.

– За что?

– За измочаленные нервы.

– А-а... Не без того. Тем более наорешь иногда... Но вообще-то все, думаю, понимают, что не для себя – ради дела старается Пермяков. К тому же видят: надо – и начальству врежу на собрании. Дело сделаю, но потом все вылеплю, что думаю, если мне из-за дурного руководства пришлось себе и другим нервы помотать. А как же? И это надо. Для профилактики.

– А как вы в механиках-то оказались?

– Э, брат, это тоже целая история. Давай-ка еще по одной подыдем.

Дмитрия радовала его непринужденность, и он совсем не пользовался ни диктофоном, ни блокнотом, хотя временами рука тянулась и к тому, и к другому. Но у них сразу был уговор, что он пока совсем не включает диктофон, и Дмитрий только слушал, боясь разрушить его непосредственность. Он охотно рассказывал, потому что чувствовал, что он Дмитрию просто интересен – весь, и как человек, и как специалист-механик.

Они выпили, с удовольствием похрустели отлично заквашенной вилковой капустой.

– Так как вы оказались механиком? – напомнил Дмитрий.

– А-а... Вообще-то просто: предложили и пошел. – Он отложил вилку, вытер рукой губы. – Только друзья не советовали: неблагодарная, мол, должность. Пока техника работает, тебя никто не видит, как будто и нет тебя! А разладилось что, так кто виноват? Механик!

Не доглядел, не проследил, не проконтролировал. Вся работа сводится к тому, чтобы никто тебя не замечал.

– Шутили?

– Не очень. На самом деле выговор кому легче схлопотать – механику или экскаваторщику? Механику. А отличиться? – Экскаваторщику. Вот так. Он, экскаваторщик, готовую продукцию выдает – то, ради чего и существует наш рудник, все управление. Он постоянно на виду и, будь хоть каким скромником, все равно не сегодня-завтра станет самой заметной фигурой на производстве. А механик где-то там, в тылу, в обозе возится, о запчастях без конца канючит: то ему дай, другое... И зарплата – так себе. Знал я эти тонкости? Знал. И ох как не просто было пойти на новую должность... Я в ту пору опять уже в цене был. Бригада у меня была, молодежная. Ребята – звери, не работники.

– Да ты бы уж поменьше хвалился, черт косою, – громко одернула из другой комнаты хозяйка. – Старый уж, а все неймется... Как школьник...

– А что? – махнул он рукой: пусть, мол, ворчит, не обращай внимания. – Такой выработки, какую моя бригада показывала, и сегодня мало кто добивается, хотя техника-то не чета тогдашней: и ковш побольше, и мощность. Премии сыпались со всех сторон, благодарности. Тогда и из кино первый раз нагрянули... Вот потому и не советовали мне многие расставаться с рычагами экскаватора. До сих пор кое-кто – соберемся вот так, за столом – вздыхает: «Эх, Егор, загубил ты себя в мехслужбе, от орденов ушел, от славы громкой». А я ничего, не жалею. И в механиках не пропал. Слава, конечно, хорошо, но польза – лучше. Слава – это для себя, а польза – для других, для всех, а для всех – значит, и для меня. Надо было в механики, позвали – пошел. Там знаешь какой бардак был! У-у... А я порядок навел. – Он помолчал. Хитро скопил глазами на Дмитрия, потом опять куда-то на ухо. – Не совсем, правда. Бардака еще хватает. Ты бы, Дима, об этом вот, о недостатках наших лучше написал, а? Понимаешь, поначалу-то у нас, когда мы в рынке-то огляделись малость, дело пошло на лад, и все хорошо было. И работать было интересно. Техника – новая, начальство за людей, за работу болеет, прислушивается к тому, что люди говорят. А теперь... – горестно махнул рукой. – С тех пор как хозяева-то у нас новые объявились да «ООО» свое образовали, и Щеголева стало не узнать. Оборудование изнашивается – смотреть больно. Латать устал. И с отгрузкой руды что-то неладное, мельтешенье какое-то. Всем сырье – так себе, а на экспорт находят как-то участки побогаче. И с объемами экспортными ловчат, похоже.

Это насторожило Дмитрия: «Неужели Щеглов по-крупному финтит?» Но он сказал Егору Ивановичу, что это только предположения, а не факты, и попросил его продолжить рассказ о себе. А тот сел уже на критическую волну и предпочел рассказывать о производственных болячках, о том, что мешает лично ему и другим.

– Понимаешь, во где все это у меня сидит, – провел Егор Иванович рукой по горлу. – Как кость.

– Понимаю, – ответил Дмитрий.

– Вы, корреспонденты, много понимаете, – прищурившись, скромно опустил механик глаза к столу, – только не обо всем, что понимаете, говорите.

– Правда? – удивленно глянул на него Дмитрий.

Черт знает, как относиться к такому высказыванию. То ли как к похвале, то ли наоборот.

– Да знаю уж, повидал вашего брата... Последнее время только забывать обо мне стали.

С иным и разговаривать-то страшно: ты ему одно талдычишь, а он все равно потом по-своему повернет: как надо ему. А придаться не к чему – все вроде твоими словами сказано, да не так.

– А мне можно рассказывать? – скокетничал Дмитрий.

– Тебе – можно, ты, думаю, хороший парень.

Они расстались друзьями. С уговором поработать завтра.

На следующий день Дмитрий, явившись к Пермякову, сразу поставил на стол диктофон, раскрыл блокнот и, попросив кое-что повторить, стал расспрашивать о деталях, в которых тот не видел никакого смысла.

– Да зачем это? – недоумевал он.

– Поймите, Егор Иванович, – снова и снова убеждал его, – такие детали мне очень и очень нужны для связки, для скрепления всего, что вы мне рассказали в единое целое, они – как раствор при кирпичной кладке.

– Может, лучше по чарочке, как вчера? Для связки?

– Нет, Егор Иванович. Вчера у нас была дружеская беседа, а сейчас – надо поработать.

– Что ж, надо, так надо, – сдался он. – Давай свои вопросы.

И Дмитрий включил диктофон.

А ближе к вечеру его ждала таинственная аудиенция, которую устроил ему механик Пермяков. «С тобой очень хочет встретиться один бывший начальник с химкомбината, – сказал он. – Ты его, говорит, должен знать».

Он поднялся по липовой аллее на несоразмерно крутой правый берег тихой, спокойной речки Мозжихи, делающей возле райцентра один из редких ленивых поворотов русла. Отсюда открывался великолепный вид на утопающее в прозрачно-синеватой мгле заречье с его заливыми лугами и толпами кустарника. Внизу по ленивой глади вод Мозжихи распустил за кормой веер морщин синенький катерок, тянули поблескивающую на солнце ячейками сеть рыбаки, чуть заметно дымил разожженный кем-то у воды на противоположном берегу костер. И было во всем этом что-то от несуетной вечности, самое себя творящей, созерцающей и убажывающей.

Он присел на косо вросшую в землю простую деревянную скамью, изрезанную похабщиной. Это было условленное место встречи. Закурил, глядя вдаль, наслаждаясь бездумным созерцанием живописных окрестностей.

Скоро рядом остановился сухощавый старичок с тросточкой. Внимательно посмотрел на него, улыбнулся:

– Здравствуйте. Вы меня не узнаете?

– Здравствуйте. Узнаю, – ответил он. – Вы были начальником исследовательской лаборатории комбината. Теперь, видимо, на пенсии?

– Верно, – отметил старичок. Достал сигарету. – Не позволите огоньку? А то вот забыл... – похлопал себя по карманам пиджака.

– Пожалуйста, – чиркнул Дмитрий зажигалкой, поднес ее к его сигарете.

Прикурив, тот нерешительно потоптался, поглядел рассеянно на заречье.

– Присаживайтесь, – предложил Дмитрий.

– С удовольствием. Если не обременю, так сказать, своим присутствием.

– Не обремените.

Старичок сел, помолчал. Деликатно покашлял.

– Вы уж извините, что я с вами... так вот... таинственно встречаюсь. Обстоятельства, знаете ли.

– Да какие обстоятельства могут вас заставлять прятаться? – улыбнулся Дмитрий. – Вы теперь человек независимый. На заслуженном отдыхе, пенсия – по расписанию.

– Э-э, не-ет, – помотал старичок головой. – Меня выпиннули с комбината во время чехарды со сменой собственников. Без всяких привилегий. На прожиточный минимум. А у меня жена больная, немало денег на лекарства требуется. Так что приходится подрабатывать. И не хотелось бы лишиться приработка из-за подозрительной связи со скандальным журналистом. Вы же кое для кого тут у нас почти как знаменитый тележурналист Доренко.

– Неужели я такую славу себе заработал? – рассмеялся Дмитрий.

– Ну, а как же? Пишете остро, поднимаете серьезные проблемы – значит, по оценке разного жулья, опасный, скандалист. Ну да ладно... Как командировка? Плодотворно?

- Не слишком.
 - Бывает. Бывает... Со Щегловым-то удалось толком побеседовать?
 - Да не очень. Непонятный он какой-то. В тайны любит играть, туман напускает. Хотя, казалось бы, что в прятки играть?
 - А вы не допускаете мысли... – Старичок задумчиво оперся руками на трость. – Не допускаете мысли, что он не знает что сказать.
 - Да ведь... Простите, не помню, как вас звать.
 - Тихон Сергеевич.
 - Ведь предприятие-то работает, Тихон Сергеевич, до крупного юбилея дожило, банкротством не пахнет – значит, что-то делается и есть о чем сказать.
 - Хм... делать-то делается, да не то, что вас интересовало по случаю юбилея.
 - Как это? – не понял Дмитрий.
 - Очень просто, как всё... такое вот... сегодня просто делается, – усмехнулся Тихон Сергеевич, постучал тростью по земле. – Не хозяин он тут. Легкую жизнь ему устроили... С высочайшего покровительства Афридонова. Знаете такого?
 - Что еще за Афридонов? А-а...
 - Вспомнили? Вот-вот, тот самый. Который новый цех борной кислоты пускал на химкомбинате. Профессор Афридонов был силен, конечно, в теоретической, лабораторной химии. Но его вмешательство в конкретную производственную технологию боком вышло для комбината. И по сей день сказывается. Схема Афридонова, заложенная в основу проекта привлекала своей простотой. Да сказала одна заморочка: при этой схеме нужна абсолютно точная дозировка ингредиентов, достижимая только с помощью точнейших автоматических приборов, требуется абсолютно точный и постоянный состав исходного сырья. Но ничего этого и близко нет... К тому же... проектом цеха предусмотрена переработка богатого сырья, а где его взять? Работать пришлось на том, что есть, как и другие заводы. Да тут еще Щеглов в экспортеры выбился, и хоть умри теперь Проклов от нехватки путного сырья, Щеглов палец о палец не ударит, чтобы подбросить хорошего товара, выручить по-соседски его комбинат. Будет преспокойно наковыривать прибыль, все, что отыщет на руднике получше, – за доллары, на экспорт... Мне, правда, кажется иногда, что оба они в какой-то хитрой команде Афридонова. Профессор этот крутится где-то в правительственных кругах или рядом с ними, оттуда и командует парадом. Вот и насчет экспорта, видимо, как-то исхитрился поспособствовать. Нашел какой-то коридор. Хотя, насколько мне известно, в мире и без этого рудника своих боратовых месторождений предостаточно. В разных странах есть побогаче месторождения боратов, а переработка их обходится гораздо проще и дешевле. А Щеглов помалкивает о тайных пружинах сотрудничества. Друзья они давние с Афридоновым. Тот и сейчас к нему по старой памяти нет-нет да закатится. Обратили внимание, какое там место? Курорт! Никакой заграницы не надо. А Щеглов своему благодетелю, когда тот к нему навещается, охоту, рыбалку организует царскую, баньку по-фински или по-русски... Ну, и бабешек игривых поставляет... Сам знаю одну такую, которая в баньку к Афридонову навещалась...
 - Откуда это вам известно? – недоверчиво глянул Дмитрий на Тихона Сергеевича.
 - Мало ли откуда... – ушел тот от ответа. – Вы, журналисты, не всегда открываете эти... источники информации.
 - А может, это все чья-то выдумка, плод досужих фантазий.
 - Может, и выдумка. Примите тогда за сказку.
- Помолчав минуту, старичок возбужденно постучал своей клюкой по земле. Потом сказал раздумчиво:
- Сталина на них нет, на таких-то вот. Сталина... Ему сейчас много грехов приписывают всякие там политспекулянты. Под Достоевского работают, под его слезу ребенка. Нет, мол, ему прощения, нет оправданья. Корят жестокостью, расстрелами, жертвами репрессий... Что тут

скажешь? Может быть, может быть... Но он же страну спасал. Все те годы, когда главным был, спасал ее. То от разрухи, то от технической отсталости, то от возможного военного поражения из-за наличия у Америки атомной бомбы... Ему ничего, считай, для себя не надо было. Жил в скромной кремлевской квартирке, на плечах – солдатская шинель, на ногах – сапоги, а то и подшитые валенки... Он всю жизнь спасал страну, а все эти нынешние олигархи, политических свар мастера и разная рыночная шпана – что у них за душой? Только собственные интересы... Они и сейчас вон что делают: того и гляди сдадут страну вместе со всеми ее ракетами. А тогда, при нем, когда каких-то десять-пятнадцать лет прошло после революции и гражданской войны, – тем более. Еще свежи были раны у победителей и побежденных, и еще совсем не ясно было, что будет дальше и чем вся эта заваруха закончится. За границей, со всех сторон было полно желающих повернуть колесо событий вспять, там строились планы, как это сделать. И среди тех, кто строил эти планы, были не только потерпевшие поражение в междоусобице соотечественники, но и главы государств, желающие погреть руки на раздирающем Россию хаосе... Все это было близко и вполне возможно. И в этом была реальная... более чем реальная угроза развала страны, которую наши предки не одно столетие создавали... Трудно было не ожесточиться, не озвереть, тем более что и на личном фронте у него не было уверенности в будущем. И не известно, чем бы все это кончилось, не окажись он, пусть и деспот с железной волей, у кормила власти. А впрочем... известно, пожалуй, чем бы все это кончилось. Разодрали бы Россию на кусочки. Она же всем задолжала за помощь «братьев»-интервентов во время междоусобной бойни, и в желающих воспользоваться ее слабостью, как и нынче, недостатка не было. Так что... не надо бы мстить прошлому. Сложно все это...

Дмитрий почувствовал, как тяжелая апатия свалилась вдруг мешками на плечи, и сразу как-то набрякли, стали слипаться веки. Захотелось упасть ничком на траву и спать, спать, спать... ничего не слышать, ни о чем не думать. Или оказаться в том синеньком катерке и плыть беспечно куда-то вдаль, дремотно жмурясь на солнечные блики, потревоженные длинными волнами за кормой...

Тихон Сергеевич обиженно и монотонно, как о чем-то давно надоевшем, бубнил насчет того, что рука руку моет, вздыхал, укоризненно покачивал головой. А Дмитрий слушал его и думал, что старичок ведь не просто душу отводит, не для себя только бубнит, а ему рассказывает, его в курс своих печалей вводит, его нагружает информацией с тайной надеждой, что он – как четвертая власть – может, что-то предпримет, сделает хоть что-ни-будь, чтобы не так горько было на душе. А что он может? У него таких историй – пруд пруди, и самому, бывает, хоть волком вой. Вот и Пермяков, с которым он хотел только душу отвести как с хорошим мужиком-тружеником, нагружал его своими заботами,

Во всем какие-то завихрения, подводные камни, все путается, усложняется, даже там, где вроде бы должен был пройти парадным шагом. Под барабанный бой.

«Рука... руку... моет... Рука руку... моет...», – крутилось в сознании нескончаемым рефреном. Автобус плавно покачивало, мерно, на одной ноте выл мотор, в салоне было душновато, и клонило ко сну.

...Широкая, толстая пятерня вылезла из белой манжеты, осторожно поползла к темной, узловатой лапе, раскорячившейся, как бредущий по песку тарантул, и начала медленно елозить по ней, оставляя потные блестки. Сверху плавно легла изящная женская ладонь с аккуратными розовыми коготками, чуть помедлив, словно благоговейно припав, стала нежно мять оказавшуюся под ней мясистую кисть. Та вздрогнула и сладострастно вцепилась в женский пальчик, продолжая делать свое дело. «Сергей Леонтич! Сергей Леонтич! Ах, какие шалуны вы!» – раздалось откуда-то разноголосо. С хохотом и визгом выскочила на большую площадь перед сумрачным административным зданием стайка веселых стройных женщин и упорхнула в невесть откуда взявшийся бревенчатый домик, из приоткрытых дверей которого валили

густые клубы пара. А к этому домику быстро поползло отвратительное трехэтажное сооружение из переплетенных ласкающихся рук.

«Хватит! Пора кончать это безобразие!» – раздался резкий, как хлыст, голос Проклова. Ласкающиеся руки мгновенно послетали одна с другой и куда-то исчезли, женщины с растрепанными космами, истошно вопя, повыскакивали из бани и побежали через площадь в чем мать родила. Проклов, строгий, в элегантном сером костюме, стоит за высокой трибуной на площади и рубит решительно: «С завтрашнего дня останавливаю производство. Довольно обманывать себя и других. При таком положении, какое у нас сложилось, я не считаю возможным возглавлять предприятие».

Открыл глаза, ошалело поозирался, вытирая платком потный лоб, шею. Почти все в салоне мирно подремывали в креслах. Только кто-то впереди шурушал газетой.

«Приснится же такое... Не-ет. Проклов этого ни в жизнь не сделает. И Брагин, конечно, не сделает. И губернатор. А кто сделает?.. Спроста, что ли, старичок-то о Сталине заскучал? При нем-то шушеру разную быстро на место ставили. Достаточно было его распоряжения – устного или письменного – без разницы, чтобы вся страна поднялась. А теперь чуть что – о демократические ценности спотыкаются: и так нельзя, и эдак не положено. И многих мучает невинный вопрос: что это за ценности такие, которые по рукам и ногам вяжут, нормальным людям житья не дают. Сколько уж трубим о преступности, коррупции, закулисных чиновничьих играх – ни с места воз проблем, лишь еще тяжелее становится. Только программы сочиняем да совещаемся. Главное – отчитаться через газету или перед телекамерой о реагировании на риски и вызовы времени, а там хоть трава не расти. Сварганили мертворожденную программу – галочка в отчете, посовещались – еще одна. Когда их немного, они забавные – галочки эти: скачут, вертятся, крыльями хлопают – смешно так. А если их много? О-о-о... Это уже совсем другое. Тут уж не до смеха.

Галки, сороки, вороны... Воронье... Вранье. Кругом оно. Собрались в стаю – ого-го-о! – сколько их! Тьма тьмущая! Заволокли все небо, закрыли солнце. И откуда, казалось бы, когда расплодились?.. Нет, это уже не маленькие серенькие галочки, это гигантская свора черного, жирного, горластого воронья. Это уже опасно. Это признак надвигающейся большой беды.

Отправился могучий витязь-князь в путь-дорогу во чисто поле – в честном бою добыть себе чести, а краю – славы. Но тучи воронья закрыли свет, полощут черными крыльями и беснуются, и галдят, галдят, галдят... Кар-р, кар-р, кар-р... И заставляют содрогнуться сурового воина. «Ты не пройдешь через топи болотные, через реки быстрые, ты не вернешься, ты погибнешь», – чудится ему поганое вещанье в хриплом хоре. И сковывает отчаяние мужественное сердце, и растекается по жилам холодная тоска. «Ты слаб, ты неумен и неучен, ты не можешь одолеть врагов своих. Они хитры и коварны, и много их – несть числа; они одеты в непробиваемые кольчуги, латы и шлемы, кои не берут ни огонь, ни мечи, ни стрелы. У них отличное оружие, ибо изготовлено руками искусных мастеров, каких нет в той земле, откуда ты пришел. Они научены искусству боя, потому что у них мудрые наставники, каких не было у тебя, нет у всех вас. Ты слаб и воины твои слабы – в вашей земле все хуже, чем у врагов твоих. Кар-р, кар-р!.. И шлем твой не выдержит первого мощного удара крепкой палицы, и латы твои пробьет любая стрела... Безнадежно, безнадежно... Беда... Кар-р... И застыла кровь в жилах могучего, смелого витязя, и круто развернул он коня своего и пришпорил его, и поскакал обратно, увлекая за собой товарищей-воинов. С позором вместо славы... А в это время горстка его врагов, трусливо затаившаяся неподалеку в сосновом бору, жадно делившая труп последней падшей лошади, облегченно переводила дух и воздавала хвалу всевышнему за то, что отвел беду, и освящала ворон, посеявших ужас в душу витязя, и потешалась тайно над ним, испугавшимся горластых, нахальных птиц, потерпевшим поражение без боя. И опять, и опять славилась всевышнего за то, что не надомил витязя-князя спугнуть или перестрелять воронье да усмехнуться в пышный ус... И дождалось волчье племя своего часа – предали вороги опустошению

окрестные селения, награбили добра всякого, наплевали в колодцы, заломили руки красавицам писаным – Надежде, Вере да Любви, измываясь властью над их беззащитностью...

Бр-р... Что это? Канва для мрачного фельетона? Но кто в нем будет фигурировать в качестве отрицательного героя? Проклов? Щеглов?... Дудки! Галочек плодят? Да ты что? Редактор за голову схватится, посчитает идиотом... Пусть это не столпы рыночной экономики, но во всяком случае вполне успешные местные менеджеры. А менеджер – это о-о! Это модно, это круто. Он работодатель – не то что при прежнем режиме обложенный со всех сторон законодательством жалкий управленец, которого запросто могли вызвать на ковер и вздрючить за пристрастие к галочкам.

...Он очнулся, видимо, от холода. Там, наверху, все та же мутная луна в серых трещинах неба... Он попытался повернуться на бок. Прострелившая тело острая боль заставила замереть в нерешительности: лежать на спине – холодно; поворачиваться на бок – слишком больно...

Во рту – какой-то теплый сгусток с привкусом металла. Глотнул – он застрял в горле. Подавился... Сделал усилие – выплюнул. «Какая гадость... Кровь, что ли?..»

Плевков забрал много сил, и он опять повалился на спину... Веки налились свинцом. И, как в воронку, затянуло в сон...

«Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет. За исключением, конечно, альпинистов».

«Так он, между прочим, и есть альпинист, в известном смысле».

«И сорвался на этот раз, потому что без страховки работал, – хохочут они. – Его ведь предупредили по сути: осторожно, не лезь в бутылку и не карабкайся больше по этой круче, а он все-таки полез дальше. Почему-то решил, что его могут в суд потащить, и не догадался, что запросто могут просто морду набить. Если бы сообразил, глядишь, и поостерегся бы. Да привык все тараном, тараном... Хотя мог бы и из собственного опыта урок извлечь. Ведь было уже, было! Вылез однажды из какого-то подвала, как блудливый кот после ночных походов... Осень уже, ноябрь, снегу подвалило, а он без куртки теплой и без ботинок – в носках по снегу топает. Охотился за кем-то, да сам угодил в западню. Смешно и стыдно. Так что... Вы поняли? Ничего особенного. Просто не хватило гибкости и предусмотрительности».

«Не-ет. Нет! Не в том дело. Есть такие, которые о себе никогда не забудут, и есть другие – те, что могут о себе забыть ради других. Вот он...».

«Да выпендрёж все это и сказки разных умников, которые только народ с толку сбивают. Нечего с ума сходить. Нормально надо жить – чтоб ни себе, ни другим не в тягость. Легко надо жить».

По полстакана за эволюцию

На столе надрывался телефон. Ну кто там еще? Он свалился на стул, взял трубку. Звонил собкор, раздраженно требовал Грушина, который зажал какой-то его материал. Заглянул в кабинет Грушина. На его месте сидел Трошкин. Значит, Грушин куда-то смотался и не на пять минут. Он всегда оставляет за себя за своим столом Трошкина, когда отлучается надолго, – подежурить у телефона, и тот с удовольствием идет навстречу.

На сей раз на его челе, кроме удовлетворенного тщеславия, изображающего невозмутимость детектива, Дмитрий заметил еще что-то вроде высокомерной погруженности в собственные ощущения.

– Привет.

– Привет.

– Где Грушин?.. Афанасьев его спрашивает. Говорит, еле дозвонился: один телефон молчит, другой постоянно занят.

– Все естественно: там никого не было, а тут я сидел на телефоне. Донесения кое-какие принимал. Грушину адресованные. А сам он в бегах. Министра федерального пасет.

– Что еще за министр?

– Бес его знает. Один из имеющих доступ к финансам. Актив какой-то был на «Калининце» с участием этого самого министра. Подхватили его под локотки, когда отгремели речи, и куда-то увезли – может, в администрацию, а может, на директорскую дачу – фонды выколачивать. И, прослышал я краем уха, удалось его уломать на несколько миллиончиков. Вот и подсунули ему Грушина, пока не сбежал на самолет. Засвидетельствовать почтение, – чуть дрогнули губы и веки в усмешке, которая, видимо, означала всепонимание непроницаемо-ироничного скептика. – Грушин должен ввернуть в интервью такой вопросик, чтобы бедняге министру ничего не осталось, кроме как подтвердить свое согласие на выделение дополнительных миллионов. А интервью в газете – это какой-никакой документ. Наш бедный Самодержец с перепугу чуть было не поручил это дело мне, да вовремя спохватился. Крупная игра! Тут нужен маэстро, профессионал экстра-класса. И свой в доску, которому можно довериться, о нет, не так – выше: которому можно доверить государственную тайну.

– Темнишь? – спросил Дмитрий.

– Чего ради? – обиделся он.

– Ладно. Мы тут треплемся, а человек ждет. Скажи толком: будет или нет сегодня Грушин?

– По всей вероятности, нет. Если будет, то мимоходом-мимоездом, весь в мыле, счастливо возбужденный, гордый оказанным высоким доверием, и вряд ли удостоит вниманием коллегу с периферии.

Дмитрий вернулся к себе, поднял трубку со стола:

– Алло, Миша, нет Грушина и, видимо, не будет. Брякни завтра.

Скинул пиджак. Сел за стол. Ни о чем думать не хотелось. Писать не хотелось. В голове чугунно ворочалось тупое, тяжелое раздражение. В руках, ногах – по гире. Может, просто физический ноль? Или эмоциональный.

Притопал Трошкин, увалился в кресло, задрал ноги на стул – выше головы, уставился пристально, нахально, как на копошащуюся возле сапога козявку. Его явно одолевал просветительский зуд.

– Так кого там обихаживает Грушин, – спросил Дмитрий: все равно не уйдет, пока не выговорится.

– А какая тебе разница? Меня лично забавляет другое. Грушин вот... нужный человек? Нужный. Специалист, то бишь трепач высокой квалификации, миллионные сделки проталки-

вает. Весь – душой и телом предан своему ремеслу, и там, – ткнул пальцем в потолок, – кое-кто его приваживает, а все равно не хозяин жизни. Там, – опять показал пальцем вверх, – в любой момент, чуть что не понравилось, запросто сколупнут. Парадокс! Нда-а... При коммунистах была борьба за кресло, а теперь – за собственность. Но суть та же: кто кого сгрел, тот того и... Мы Осташкова, нашего молочного короля, затравили, в помоях утопили, с инфарктом слег человек и неизвестно, выберется теперь, сядет ли когда в свое рабочее кресло. Казнили его за то будто бы, что неэффективно вел хозяйство, не мог наладить прибыльную работу. Но мы-то знаем, что тем он оказался виноват, что кое-кому захотелось его предприятие скушать. И что получается? Получается, что мы подготовили почву для рейдерского захвата и примолкли. А на «Калининце» – полусекретном, между прочим, предприятии – уже два года все летит кувырком, кое-кого гнать там надо в три шеи с насиженных кресел, но мы этого как будто совсем не видим, и ни директора, ни прочих еще ни разу не лягнули. Почему? Не знаешь? И я не знаю. Но вот погоди, выколотят для завода фонды, наладится положение – и запоем мы дружно хвалу предприимчивости, дальновидности руководства и ведущих специалистов. Кто, кому тут брат или сват – факт мной не установлен, но чувствую: есть то ли у директора «Калининца», то ли у кого-то еще где-то шерстяная рука, может, братская, может, дружеская... А ты говоришь...

– А что я говорю? Я только говорю, что ты же и загонял в гроб Осташкова своими филиппиками, точнее, словесной эквилибристикой. Ты уж, слава богу, сколько тут работаешь, и конечно, прекрасно знаешь, что он мужик стоящий, что не в его хозяйстве нужно искать причину перебоев с поставками молочных продуктов, а в скверном положении на молочных фермах. Его заводы задыхаются из-за нехватки сырья, им нечего переабатывать. Знал ты это? Знал. Должен был по крайней мере знать. И тем не менее вцеплялся в глотку королю.

– Брось разыгрывать из себя святошу. Ты бы не вцепился в глотку, если бы тебе командовали: «фасс!»? И если бы ты знал при этом, что тот, кто управляет молочными фермами области, ближайший родственник...

– Нет, не стал бы, – оборвал его Дмитрий. – Не стал бы – и все.

– Ну-у?.. Вот так бы взял и не стал?

– Взял бы и не стал

– Дела-а... Значит, попер бы поперек линии администрации?

– А при чем здесь она?

– Как при чем?! Х-ха-а, смешной ты парень. Вчера родился, что ли? Ведь все адреса, все темы для наших филиппик и разных прочих опусов наш Самодержец черпает в администрации – на заседаниях или в кулуарах. Без нее он и шагу не сделает. Просто побоится. Мы же чей орган? Помнишь?.. Да-а, дела... Плох тот журналист, который видит дальше губернаторской команды.

– Ты хочешь сказать: плохо тому журналисту, который пытается видеть дальше администрации?

– Можно и так, – просверлил он Дмитрия острыми буравчиками сузившихся глаз; а губы снисходительно улынулись. – Ну сам посуди, как можно видеть дальше администрации, если она пользуется основательными справками, подготовленными видными специалистами, а в твоём распоряжении – пестрая мешанина фактиков, добытых самодеятельным путем из сомнительных источников?

– Ну сам посуди, – в тон ему ответил Дмитрий, – может ли администрация иметь точную картину событий и прочего, если будет располагать информацией таких специалистов, как ты, которые при составлении справок учитывают, кто с кем находится в родстве?

– Я справок губернатору не даю, – отрезал Трошкин. – Я только пописываю статейки на основании информации его аппарата. Играю в кон.

– Как бы не так. Каждая твоя статейка в кон – это справка о том, что ложная информация, которой располагает администрация, правдива. Ты заявляешь об этом публично, на всю область и тем самым ставишь на ложной информации жирную печать: «Верно. Обжалованию не подлежит».

– Да кончай ты... – раздраженно махнул рукой Трошкин.

– Что «кончай»?

– Блефовать кончай. Как и я, и все мы, ничего ты из себя не представляешь. И нечего из себя корчить святошу, радетеля за правду-матку. Даже если бы ты и был им, радетелем, то все равно у тебя был бы только один вариант распорядиться этой добродетелью – оставить ее при себе.

– Хм... – обличаешь вот, маски срываешь... Но трудно, знаешь, если вообще возможно, ждать порядочности от того, кто уверовал в пансвинизм. Ведь если исповедуешь его, если убежден, что всякий встречный-поперечный только тем и озабочен, чтобы выхватить себе жирный кусок, то так легко оправдать любую пакость собственного производства.

– О, боже, сохрани его и помилуй! – задергался Трошкин в беззвучном истерическом смехе. – Ну что ты размахиваешь своей чистоплотностью?! Ты такой же моральный и интеллектуальный евнух, как и... Тебе вырезали яйца уже при поступлении в нашу досточтимую фирму. Работать здесь – это уже значит быть кастратом, ты, считай, по собственной доброй воле заключил договор на самооскопление. Или ты этого не понимаешь?... Да нет же, не поверю, не такой уж ты глупый парень.

– Увы, Трошкин, глупый я. Глупый, хотя и кое-что понимаю. Ты вот сообразил: плетью обуха не перешибешь и сунул плеть за голенище – целей будет. А я все никак не возьму в толк: почему это – не перешибешь? Мне все кажется, видишь ли... потому и королят разные там новые хозяева жизни, что у их ног пресмыкается всякая хитромудрая мелочь.

– Опять знакомые мотивы, – усмехнувшись, скучливо покачал головой Трошкин. – Бороться и искать, найти и не сдаваться... Ну, а ради чего это – бороться и искать? Ради чего упираться, жертвовать собой или хотя бы какими-то удобствами, благополучием? Ради всеобщего счастья? Но это утопия. Что ты упираешься, Седов? Ну как пионер желторотый... Мы же это уже проходили – пытались наперекор всем издревле установленным мировым порядкам бороться за равное счастье для всех, но убедились, что это блажь, и вернулись на круги своя. Стали, как все, мирно строить капитализм.

– Ну, во-первых, не все и не как все, – отрезал Дмитрий. – Во-вторых, похоже, все-таки сильно поторопились, и потому получилось через пень-колоду. А в-третьих, и у капитализма бывает человеческое лицо.

– Да не суждено людям быть счастливыми. Никогда. Они обречены на каторжную, до скончания века борьбу с природой, с себе подобными, с самими собой. Кто-то, какая-то часть в каждый определенный момент живет безбедно, остальные бедствуют, так или иначе бедствуют. Счастливого человечества нет и быть не может. Это не предусмотрено самой его сущностью, его природой. Тому в истории мы тьмы примеров сыщем. Ну вот, скажем... Сколько отчаянных голов билось за эмансипацию женщин, и что же? Мы решили эту проблему – уравнили полностью в правах прекрасный пол с сильным, но наши дамы стонут теперь от двойного бремени, разрываются между так называемой общественно-полезной деятельностью и домом, между работой и пресловутыми тремя К. В итоге они плюнули на дом: детей рожать не хотят, щи варить – тоже. Зато научились хлестать водку, курить, ругаться, травить скабрзные анекдоты. И теперь застонали мужчины: куда подевалась прекрасная половина, где милые, заботливые, ласковые дамы?... Мы, люди, рвались к технике, к машинам, чтобы они облегчили нашу участь, – и дооблегчались: теперь нас медленно, но верно убивает гиподинамия, от которой мы пытаемся спастись бегом трусцой, потому что уже не в состоянии задать резвого стрекача, пуститься в галоп. Мы стремились к богатству, изобилию – и загадили окру-

жающую среду настолько, что нам скоро негде будет жить. Мы одолели чуму, холеру и прочие напасти, но нас душат теперь бесконечно меняющийся обличья грипп, рак, болезни сердца, разные там язвы – их не перечесать. Мы остервенело били домострой, ратовали за свободу брака, а получили свободу нравов. А сейчас уже мало свободы нравов – подавай сексуальную свободу во всех ее вариантах и побочных эффектах. Ну, и так далее и тому подобное. Какая, выходит, разница – что спартанские условия, что оранжерейные – результат тот же. Так стоит ли за что-то там бороться, тщиться сделать человеческое существование безбедным и счастливым? Может, волчьи условия – это даже лучше для него, для человека – повысят приспособляемость к неблагоприятным факторам окружающей среды? – язвительно скривился Трошкин.

– Нда-а... Ну, что ж, возьми и умри тогда. Завернись в белую простыню, ляг в гроб, скрести руки на груди, как положено, – и умри. Только сначала сделай татуировку на руке, а еще лучше на груди, аршинными буквами: «Нет в жизни счастья». Даже так: «Щастья» – через «щ». Пусть все видят, что покончил счеты с миром философ, постигший суть вещей, пусть каждый из оставшихся на этом свете знает, что он глупец, понапрасну растраниживающий свою энергию на мелкие, недостойные цели.

– Не надо, Седов, меня отпевать, – поморщился Трошкин. – Я еще кое-что могу. И на тот свет сам могу кое-кого отправить.

– Так не я тебя отпеваю – ты себя отпеваешь.

– Не отпеваю, Седов. Думаю. Думать никому не грех.

– Но грех думать, как умная сволочь.

– Почему это вдруг – как сволочь?

– Потому что сволочам свойственно мазать дегтем белый свет. Это ведь так удобно: извозякал, извозякал – и тычь пальцем, освистывай. Грязи-то, мол, грязи-то сколько, да я прямо-таки святой на этом фоне, да после всего этого я могу что угодно себе позволить и остаться розовым романтиком, целомудренной девицей, наивной Красной Шапочкой.

– Слушай, Седов, брось, а?.. Что ты все в душу лезешь? Что ты все норовишь... гвоздем ее корябнуть? И вообще, знаешь ли... давно горю желанием расставить кое-какие акценты. Смотрю иногда на тебя и думаю: кто ты? Наивный, чудака или?.. или похуже? Вот носишься ты, как олень, стараешься. Ну, а зачем? Тебе не приходил в голову этот несложный вопрос? Мы же ничемушиной занимаемся. Так не лучше ли, как высказался однажды Лесков, ничего не делать, чем делать ничего?.. Не ясно?

– Во всяком случае слишком общо.

– Попытаюсь детализировать. Надеюсь для тебя не секрет, что интересы Грушина, под чьим оперативным руководством мы творим и вытворяем, не простираются дальше угождения вышестоящим, игры в оперативность? Там, – ткнул пальцем в потолок, заметили, положим, на каком-то предприятии бардак, приняли решение – Грушин тоже заметит, быстренько соорудит ходульную корреспонденцию. Но ведь там уже заметили. А когда замечают там, это значит, что народ давно все знает, и делать полуофициальную корреспонденцию без серьезного анализа, лишь пересказывая содержание казенной бумаги – это только разносить, как сорока на хвосте, дрянную весть по всей области: «Смотрите-ка, мол, что делается! Какой бардак!» Не лучше ли уж тогда без всяких красок просто опубликовать содержание казенной бумаги? По крайней мере народ будет иметь наглядное представление о том, что администрация кое-что видит, принимает меры – работает. Но зачем тогда мы?

«Так ведь именно этим ты и занимаешься, и неплохо на этом зарабатываешь, – чуть не вырвалось у Дмитрия, но он придержал язык за зубами: – Пусть занимается саморазоблачением. Может, на пользу пойдет».

– А ведь мы должны бы, если по-хорошему, давать пищу для ума всей области, в том числе и администрации, — удивил его Трошкин. – Мы должны бы вести самостоятельный поиск. Когда-то я думал, уверен был, что так оно и есть. Но детство кончилось. Теперь я убеж-

ден на девяносто девять процентов: все, что мы рожаем в муках или без них – это чих, жалкая последушка, вчерашний день в жизни области. Или грандиозный треп по поводу. Ничего другого тот же Грушин не допустит, а он имеет великое влияние на нашего редактора – значит, не допустит и газета в целом. Исходя из вышеизложенного и многого недосказанного, прошу тебя Христом-богом, не мельтеши перед глазами – ты меня раздражаешь своей пионерской старательностью. Нет, сам, конечно, если уж это тебе так нравится, бегай, старайся. Не могу же я тебе запретить. Но ты норовишь все в душу залезть, совесть ковырнуть. Не лезь, пожалуйста, не ковырай, а?..

Он зло хлопнул дверью.

Дмитрий в нервном возбуждении стал мотаться взад-вперед по кабинету. Вытянул руку – пальцы слегка дрожали. Не было смысла ждать появления Грушина – сцепишься еще с ним под настроение из-за пустяка, как цепная собака. Надо было как-то разрядиться до его прихода или уж смотаться куда-нибудь.

Из коридора послышался голос Семеныча. Выглянул – нет, какой-то мужик ищет отдел информации. Показал ему. А Семеныча на месте не было. Заглянул в приемную.

– Исчез куда-то, – сказала Вера. Вздохнула: – Очередной скандал с редактором.

Дмитрий отправился к нему домой. Рядом с бронированными дверями соседей, упрятанными в кожу, украшенными ручками и кнопками из меди и хромированной стали, его деревянная дверь с плохо замазанным следом однажды выломанного замка выглядела как беспородная дворняга в репьях возле восточно-европейской овчарки с медалями на шее. Надавил кнопку звонка. Он слабо тренькнул. Еще раз надавил – никакой реакции. Только где-то отдаленно-приглушенные звуки – то ли там, за дверью, то ли где-то у соседей. Толкнул дверь рукой – она легко подалась. Из глубины квартиры донеслись звуки музыки и голос хозяина. Постучал костяшками пальцев о косяк:

– Можно?

– А-а, Дима, – увидел его в зеркале Семеныч. – Проходи.

Посреди комнаты стояла Зоя Владимировна. Только теперь, увидев ее здесь, Дмитрий понял – вдруг, сразу, ничего еще не зная, – что у них роман. Старый, болезненный для них обоих и совершенно неотвратимый. Он невольно улыбнулся. Может, потому, что увидел их вместе и рад был убедиться, что у обоих у них хороший вкус. И, ей-богу, подумал, окажись он на месте Семеныча, тоже постарался бы не проморгать такую женщину... Откроешь дверь в корректорскую – она сидит в пол-оборота, склоненная над очередным вариантом полосы свежего номера. Мягкие линии лица, округлый подбородок, плавно соединенный с полной шеей, не обезображенной складками; небольшой аккуратный нос, который, наверно, лет двадцать назад жаждали чмокнуть влюбчивые сверстники... Она постоянно поглощена текстами, и, бог мой, сколько же терпения, внимания нужно, чтобы выловить и выправить ту галиматью, что косяком прет порой на полосы. Читать и черкать, читать и черкать ошибки – глупые-преглупые, когда вместо «слон» почему-то оказывается «стон», вместо «сельскохозяйственный» вдруг откуда-то выскочит «старообрядческий»... Где-то в глубине души Дмитрия сидит неискоренимое убеждение, что хороший корректор – это непременно золотая женщина. Добрая, терпеливая, мудрая особой женской мудростью. И всякий раз, во время дежурства по номеру, еще только подходя к корректорской, он видит ее такой, какой увидел в первый раз, и улыбается встрече. Округло выгнутая бровь, опущенный на текст взгляд из-под постоянно прищуривающих глаза чуть припухлых век. Кажется, она постоянно с молчаливой покорностью делает свое совсем нелегкое дело, и такое чувство – будто у нее в груди застрял затолканный вздох, с которым приходит какое-то внутренне облегчение. Будто она постоянно преодолевает в себе желание посетовать на несбывшиеся девичьи надежды, на не совсем удачную судьбу, зная, что это ни к чему, что у людей своих забот хватает и что у нее еще ничего – жить можно... От нее

исходила терпеливая мудрость нежной, заботливой женщины, хлопотливой, умелой хозяйки. И казалось почему-то, что она балует зятя, если он есть, наливочками и вкусной стряпней, заботясь о счастье своей дочери, на которую ухлопала собственную молодость, растя ее одна, без мужа, и растрачивая тоску по единственному близкому человеку, по бабьему счастью, рано оставившему ее. Потом Дмитрий узнал, что есть у нее и единственная красавица-дочь, похожая на нее, молодую, и баловень-зять, и нет давно мужа... А теперь он увидел, что у нее есть Владимир Семеныч.

– К нам пришел гость. Может, не будем при нем выяснять наши отношения? – предложил Семеныч.

– А-а, пусть слушает, – махнула она рукой. – Он парень порядочный. Не разберет. А мне... Должна же я когда-то высказаться. Должна наконец сказать тебе, что ты ненормальный. Надо же быть хоть чуть-чуть дипломатом, надо уметь лавировать. Ну что ты, скажи мне, что ты опять лезешь на рожон? Выкидывали уже тебя однажды за такие штуки – мало? Дождешься: и здесь выкинут. Скрутят по рукам и ногам – и выкинут. Христом-богом прошу тебя: не испытывай ты редакторского терпения, будь с ним поласковой, посписходительней. Потому что... ну, может, и понимает он твои завихрения, твою заикленность на порядочности, да ведь человек он зависимый. Ты же это прекрасно знаешь. И ничего уж тут не попишешь... Хулу и почести приемли равнодушно... Так сказал Пушкин, и ты сам себе так скажи. И не лезь на рожон. Пусть тебя отрезвит, излечит хотя бы... тщеславная надежда, что такие, как ты, должны беречь себя ради здоровья окружающей среды.

Семеныч коротко гоготнул, смущенно глянув на Дмитрия. Зоя Владимировна, высокомерно изогнув бровь, продолжила как ни в чем не бывало:

– Или, еще лучше, пусть тебя останавливает трезвая мысль, что ты должен выжить. Понимаешь? Просто выжить. Ну, а если это тебя не устраивает, если это тебе кажется мелким, то убеди себя, что ты должен выжить, чтобы творить добро. Если ты не поймешь всего этого, то ты просто... обыкновенный псих, и ноги моей здесь больше не будет. Я не хочу иметь ничего общего с психом. Знаешь, как это называется у психиатров? Утрата защитных функций. Что-то вроде этого.

– Ладно, пусть я псих, пусть я болен. Но, Зоя, я же болен красиво, – примирительно улыбнулся Семеныч. – Во всяком случае более благородной болезнью, чем свинство или сифилис. А? Зой! Чуешь разницу? Красиво болен, – осклабился он, стараясь, видимо, разрядить накалившуюся до прихода Дмитрия обстановку.

– Смотри-ите-ка на него-о! Нет, вы только посмотрите на него, Дима! Он еще и паясничает, – возмутилась Зоя Владимировна. – Пижон! Престарелый пижон, —запричитала она, срываясь на нервный смех. – Кому ты что докажешь этой своей позой! Не мечи бисер перед свиньями! Знаешь это? Вот и не мечи. Ты же совсем один. Кому ты нужен, кому что докажешь?

– Нну-у, может, и один – не знаю. Не думаю, что это так, – сказал раздумчиво Семеныч. – И вдруг глаза его повеселели: – Хо, Зой, послушай-ка... Вот тебе жалко меня? Жалко. Значит, ты все—таки меня понимаешь. Выходит, я уже не один, нас по крайней мере двое. Так ведь? Так. А Дима? Почему ты его не берешь в расчет?.. Почему же мы, трое более или менее порядочных людей должны пасовать перед свинством? Давай будем последовательными, Зоя. Пусть хоть весь мир сойдет с ума...

– Гос-споди! Какой же ты непробиваемый! – простионала она, глядя на него восторженно-влюбленными глазами.

Наверно, этим своим непроходимым упрямством он и был дорог ей. Она боялась за него. Она готова была спрятать его, как наседка цыпленка, под крыло. Она на все готова была ради него, ради того, чтобы он только жил и оставался такой, как есть. А ее слова... Что ее слова? Не всегда люди говорят самые убедительные слова для того, чтобы убедить других. Часто это только способ убедить в чем-то самого себя.

– Ума не приложу – как тебя убедить, – сказала вдруг Зоя Владимировна совершенно спокойно. И рассмеялась почти весело. – Ладно, бог с тобой. Живи, – поцеловала его в щеку и ушла.

Все оставалось на своих местах. Он должен был оставаться, по ее убеждению, жертвой собственной порядочности, она – мучиться опасениями за него. Каждому свое.

...А радиоприемник негромко играл грустно-веселую песенку: «Арлекино, Арлекино, нужно быть смешным для всех...»

Владимир Семеныч отошел к окну. Завернув правую руку, почесал большим пальцем под левой лопаткой. И вдруг сморщился болезненно.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросил Дмитрий.

– Да так... Ничего особенного. Сердечко малость поскребывает. Грызуны какие-то завелись – никак не выведу окаянных... Выпить бы малость, а? Ты как насчет этого?

– Да я не против, но... тебе-то можно?

– Чепуха. Все можно. Как раз сейчас-то и можно. И нужно... Давай так... Тут под боком прекрасное злачное место есть. Хотя... – он недоверчиво покосился на Дмитрия. – Возможно, ты брезгуешь подобными заведениями... Это элементарная забегаловка.

– Не брезгую, – спокойно отрезал Дмитрий.

– Ну и великолепно, – оживился Семеныч. – Я лично предпочитаю такие заведения всякому там модерну. Здесь народ попроще. Да и почестнее. Правда, есть и жалкая, отвратительная грязь. Но кто знает, где ее больше. Среди модерна-то жулья всякого, снобствующих бездельников, развратников – несть числа; они там срывают цветочки жизни... А сюда приходят не столько безмятежно поразвлекаться, сколько поговорить по душам или помолчать за стаканом вина. Здесь, между прочим, и обретается основной контингент тех, кто пишет нам жалобы. А знать клиента в лицо – сам понимаешь...

Они вышли на улицу.

– Как к Щеглову-то съездил? – спросил Семеныч.

– А-а... мало хорошего, – отмахнулся Дмитрий. Рассказал ему вкратце о командировке.

– Ну вот, а ты говоришь, мало хорошего, – сказал Семеныч весело. – По крайней мере получил представление, что жизнь кое в чем не согласна с теми требованиями, которые предъявляет ей наша газета, она не влезает в узкие газетные рамки. Это же очень полезно усвоить, от этого же умнеют.

– Так если бы... – кисло возразил Дмитрий. – Написать бы как есть, что видел, слышал, да ведь зарубят.

– Зарубят. Это как пить дать, – согласился Семеныч. – Можно, конечно, потолковать с Самодержцем, попробовать убедить, соблазнить интересной темой... По-моему, он вообще-то мужик неплохой, но, увы, – не нашего поля ягода. Другими категориями мыслит. Стаж административной работы у него не малый, но в журналистике не силен. Он и планерки-то иногда ведет, будто закрытые чиновничьи сходки, и материалы в газету отбирает по принципу: все, что мы знаем, должно остаться между нами, а вот это – что ж, это можно и опубликовать, в этом ничего особенного нет. Да тут еще Ключин его с толку сбивает. Пасется в кабинете, напевает свое, а он и развесил уши, внимает. Сумел прохиндей внушить ему, что он первое перо в редакции.

– То-то и оно, – вздохнул Дмитрий. – Так что придется, видимо, по итогам поездки к Щеглову выкручивать на чушь, заказанную кем-то в администрации.

– Валяй, ври, – равнодушно сказал Семеныч. – Не ты первый. История тебя простит. Врут не только газетчики.

...На бойком месте, между супермаркетом, небольшим сквером с массой укромных уголков и трамвайным кольцом, где никогда не бывает пусто, приютилась современная избушка на курьих ножках – из нескольких панелей с наполнителем и широкими окнами с трех сто-

рон. Обстановка – более чем демократичная. В тягучих волнах синевато-сизого чада за стойкой колыхалась белокурая, синеокая, улыбочивая особа трудноохватываемого объема с широкими золотыми кольцами на пальцах. Она то и дело протягивала наполненные стаканы оживленно балаганящей разношерстной клиентуре: степенным, наглаженным мужчинам с печатью уверенности, достоинства на лицах, крепким, проворным парням с длинными патлами, замызганным типам, хмуро взирающим на публику остекленело-красными глазами на опухших физиономиях.

– Два стаканчика портфейна, – сказал Семеныч толстухе за стойкой, нарочно произнеся «ф» вместо «в». Попутно матюкнул какого-то шустряка, попытавшегося пролезть за вином без очереди.

В этой полустеклянной избушке, пропитанной сивушными парами, он вел себя так, как здесь было принято. Не случайно он приглядел эту экспресс-кафешку. Рестораны ему давню были не по карману. Вера посвятила Дмитрия в его тайну: он почти всю зарплату отправлял в Москву – бывшей жене с дочерью. Себе оставлял только чуть больше прожиточного минимума. Однако Дмитрий с трудом уговорил его разделить пополам расходы за посещение кафешки. «Я пригласил – я и расплачиваюсь», – твердил Семеныч.

Дмитрий, впервые оказавшийся здесь, с любопытством приглядывался к обстановке, к соседям. Семеныч расценил это по-своему.

– Думаешь, публика никудышная? – сказал хмуровато.

– Да нет, что ты...

– Не волнуйся. Не испачкают близостью. Не хуже, чем за банкетными столами.

– Лихо, – рассмеялся Дмитрий.

– Смешно?.. А мне вот сдается, знаешь ли... Вообще не надо идеализировать местную элиту. Те ли еще кадры есть... Ведь наверх рвутся и дерганые прыщавые эгоистики с массой комплексов, и тщеславные носороги с одной извилиной на двоих, и зубастые крокодилы, вертлявые обезьяны... А у подножия пирамиды остаются доверчивые агнцы, дружелюбные простаки. Они, эти самые простаки, осели внизу совсем не обязательно потому, что глупее тех, кто обскакал их на социальной лестнице. Просто у них атрофировались, притупились кое-какие инстинкты наших далеких волосатых предков. Они или не умеют, или не хотят работать локтями, чтобы пробиться наверх. Манеры?.. Да, манеры, пожалуй, прихрамывают – могут показаться грубоватыми. Без изящества, тонкости. Но, простите, что такое тонкость? Жало у змеи тоже тонкое. Так-то... Эволюция, братец мой, эволюция! Процесс превращения свирепой обезьяны в добродушного человека... Сейчас, впрочем, пошел, кажется, обратный процесс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.